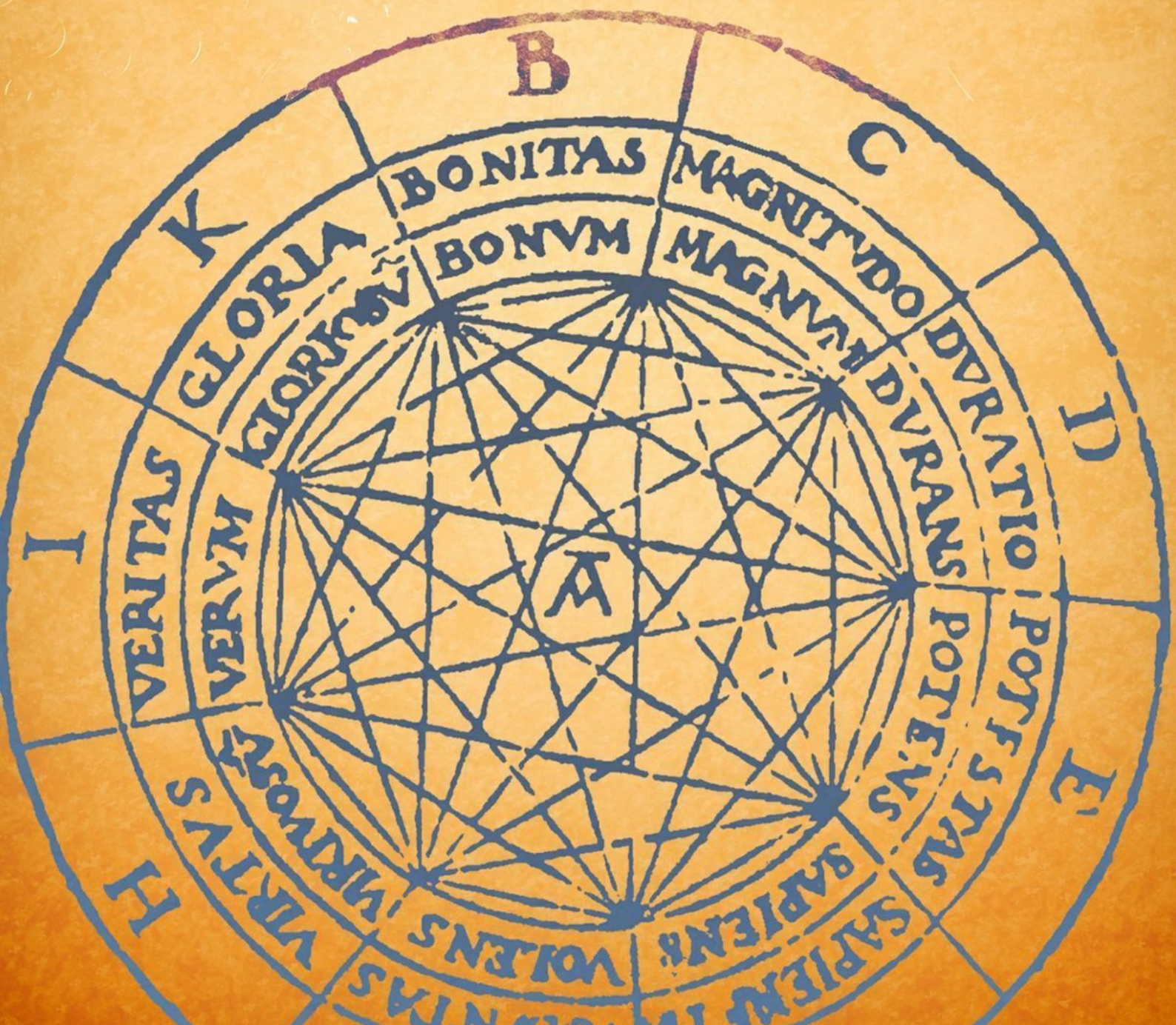

Денис Гербер

Ангел, стоящий на солнце

Денис Гербер

**Ангел, стоящий на солнце.
Роман. Рассказы**

«Издательские решения»

Гербер Д.

Ангел, стоящий на солнце. Роман. Рассказы / Д. Гербер —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-833385-9

«Ангел, стоящий на солнце» — интеллектуальный детектив, в котором нашлось место реальным историческим персонажам, вымышленным существам, мрачным пророчествам и страшным проклятиям.

Могущественная империя Акбара Великого, алхимические эксперименты Раймонда Луллия, мусульманский Магриб с его халифами, марабутами и воинственными туарегами, роскошь и порок средневекового Тауэра, вражда Эдуарда II со своими баронами — всё сложилось в яркую мозаику.

ISBN 978-5-44-833385-9

© Гербер Д.
© Издательские решения

Содержание

Ангел, стоящий на солнце	6
Предисловие	6
Книга 1-я	7
1	7
2	18
3	24
4	27
Книга 2-я	31
1	31
2	36
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Ангел, стоящий на солнце

Роман. Рассказы

Денис Гербер

Редактор Леонид Майз

Корректор Вера Вересиянова

Дизайнер обложки Александр Никитин

© Денис Гербер, 2019

© Александр Никитин, дизайн обложки, 2019

ISBN 978-5-4483-3385-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Ангел, стоящий на солнце

Предисловие

Жизнь и деятельность Раймонда Луллия давно заслуживает отдельного литературного произведения. Биография этого учёного и мыслителя, обросшая толстым слоем легенд и мифов – почти готовый приключенческий роман. Тем не менее, в художественной литературе фигура Луллия освещена довольно тускло: философ и миссионер кратковременно появляется в произведениях Умберто Эко, Хорхе Луиса Борхеса, ему посвящена незавершённая поэма Алексея Толстого. Эта книга могла бы стать первым романом о жизни знаменитого каталонца, но, увы, она им не стала. Луллий хоть и занимает в этом повествовании центральное место, но остаётся всего лишь звеном, соединяющим разные истории, некой осью, вокруг которой вращаются другие персонажи. Поначалу я хотел подарить герою книги другое имя – уж очень сильно он отличается от настоящего Луллия. Книжный персонаж – это образ, собранный из реальных фактов, легенд и авторского вымысла. То же самое можно сказать и о других исторических личностях, фигурирующих в романе.

От всей души благодарю тех людей, кто оказал всевозможную помощь в создании этой книги. Спасибо моей жене Татьяне Гербер, которая стала первым бета-ридером, корректором и критиком. Огромная благодарность редактору Вере Вересияновой за качественную и оперативную правку моего текста. Спасибо Лекторию «Новая мысль» и Евгении Юрьевне Ваниной за лекции об императоре Акбаре и эпохе Великих Моголов.

И, наконец, спасибо читателям, остановившим взгляд на этих строчках. Надеюсь, дальнейшее чтение доставит некоторым из вас истинное удовольствие.

Посвящается Большому.

Книга 1-я Паломник

1

С чего началась эта история? Возможно, она начинается только сейчас, когда мы с вами, дорогой аббат, сидим здесь в полной темноте, и я совсем не вижу вашего лица, только слабые очертания. Впрочем, нужно ли нам видеть друг друга? Какие ещё из сотен сменяющихся обликов предстанут перед нами на этот раз? Мы, как мифический Протей, так часто носили разные лица, что уже почти потеряли свои собственные. Признайтесь, аббат: так же как и я, вы чувствуете, что почти растворились в этом мире. Из людей, имеющих форму, мы превратились в поток мыслей и поступков, который берёт свой жалкий исток бог знает где, а пробегая через чужие жизни, уже обретает силу и мощь. Мы привыкли подмечать скрытые закономерности, разбирать причины и следствия, а внешние оболочки отошли на второй план. Из рассказчиков мы сами превратились в литературных персонажей с весьма размытой внешностью, словно нас засосало в нами же придуманную историю.

Так с чего мне начать на этот раз? Логично было бы рассказать, как и когда я превратился в Собирателя Историй, но кому как не вам должны быть известны все тонкости этого обращения? Как неведомые силы тащат вас в далёкое прошлое – сначала во снах, а затем и наяву. Сколько раз вы приходили к выводу, что просто лишились рассудка? Честно говоря, у меня и теперь нет полной уверенности в том, что разум мой здоров. Что, если я сейчас и многие годы до этого нахожусь в палате для умалишённых? Если это и так, то наша с вами встреча – возможный путь к выздоровлению.

Первые видения начали приходить ко мне в возрасте 25 лет. В те дни я наиболее часто испытывал то, что называл «прекрасной тоской»: ощущение, будто где-то происходит нечто очень важное, а я опять остаюсь не у дел. Слово вся вселенная меняется до неузнаваемости у тебя за спиной, но стоит только обернуться – и всё тут же возвращается на свои места. Это чувство не позволяло мне сидеть дома, и каждый вечер тянуло на улицу. В темноте я бродил по оживлённым тротуарам в поисках неизвестно чего, но «прекрасная тоска» во время этих прогулок не отпускала, а только усиливала хватку. Путешествуя по вечерним улицам, я не заходил в заведения, лишь останавливался у входа, курил и поглядывал, как паркуются автомобили, а посетители парочками проходят внутрь. Позже, когда публика разъезжалась, я стоял у тротуара и разглядывал тёмные пятна масла на синем асфальте. Иногда казалось, что за ними скрывается едва уловимое движение, почти невидимая искра, которая немного искажает пространство и намекает об иллюзорности нашего мира.

Возвращаясь домой за полночь, я сравнивал себя со Степным Волком, бродящим по каменным джунглям, только вместо джаза меня окружали звуки современной музыки. Так же, как и Гарри Галлер, я чувствовал в себе душевное раздвоение. Но мой недуг усилился тем, что одну душу из меня вырвали, как больной зуб, а на её месте оставили звенящий вакуум, готовый засосать всё и вся. Оставшаяся часть боролась с этой пустотой, образуя бешенный смерч, и перед глазами пролетали обрывки воспоминаний. Я собирал мысли, словно разбитый вдребезги кувшин, и пытался представить, кто мог похитить половину моей личности. Может быть, это сделали инопланетяне, которых так любили изображать фантасты двадцатого века? Влетели однажды ночью на розовом луче, достали свои перочинные лазеры и вырезали самую квинтэссенцию. Теперь она хранится на неизвестной планете в созвездии Кита – её держат в серебряной коробке как образец несовершенства человеческой сущности. А может быть, несколько лет назад я случайно выдохнул её с дымом марихуаны?

Спустя несколько месяцев я начал замечать, что странное душевное опустошение наяву стало компенсироваться совершенно ясными и чёткими сновидениями. Необычайно яркие картины представляли моему взору во сне. Образы, которые я видел, были настолько реалистичными, что поутру я сомневался: проснулся ли я на самом деле или же, напротив, моё существование в этом мире – всего лишь сон.

Что делать человеку, когда он потерял точку отсчёта? Наверное, нужно смириться с тем, что всё происходящее с ним как во сне, так и наяву, может быть одинаково реально. Или же наоборот: и то и другое одинаково иллюзорно. Как же можно объяснить, что некоторые увиденные мною детали находили неожиданное подтверждение в исторических документах, летописях и хрониках? Откуда мой мозг мог взять такие подробности? Даже неизвестные языки были понятны. Напрашивался очевидный ответ: всё это когда-то происходило на самом деле. С другой же стороны, когда я порой вмешивался в ход исторических событий и менял реальность самым кардинальным образом, мой сегодняшний мир оставался таким же, что и раньше. И настоящее, и прошлое, запечатлённое на бумаге, сохранялись неизменными. Я долго старался понять, для чего мне дана возможность вмешиваться в ход событий, но не оставлять при этом никаких следов. Так и не найдя подходящего ответа, я пришёл к выводу, что должен заниматься тем, к чему лежала душа. А именно – сборанием историй.

Уж поскольку я и себя стал именовать Собирателем Историй, буду изъясняться как рассказчик.

В час, когда солнце приближалось к горизонту и всё больше походило на только что отлитый золотой динар, в сторону Лахора спешило огромное количество путников. Все – и тот, кто оседлал флегматичного ишака, и те, что сидели в двухколёсной арбе, запряжённой буйволами, – с нетерпением глядели вперёд, на пылающие в лучах заката очертания города дворцов. Даже глаза животных то и дело небезразлично всматривались вдаль. Те же, кому выпала участь путешествовать на своих двоих, хоть и с трудом передвигали ноги от усталости, но всё же старались изо всех сил не сбавлять шаг – впереди их ожидали ужин и отдых.

Единственными, кто, казалось, не торопился до заката попасть в одни из двенадцати ворот Лахора, были два всадника из императорской стражи. Они не спеша направляли своих низкорослых лошадей в сторону города, и на эту неспешность у них имелась видимая причина – ещё один человек, позади тащившийся на привязи. Этому бедолаге повезло меньше остальных, и он постоянно ловил сочувственные взгляды обгонявших его путников. По озадаченному лицу было понятно, что главные проблемы ожидают его впереди, а значит, спешить ему тем более нет резона.

Время от времени ноги отказывали пленнику, и он спотыкался, рискуя свалиться в дорожную пыль, но каким-то чудом оставался на ногах и вприпрыжку нагонял всадников. По натёртым до крови запястьям легко было догадаться, что его путешествие таким неудобным способом продолжается достаточно давно – возможно, с самого утра. Бедняга уже не смотрел на своих конвоиров. Разве добьёшься сочувствия там, где к тебе обращены лишь обтянутые светлой тканью широкие спины? Даже если упадёшь, всадники будут безразлично двигаться дальше, волоча по земле измождённое тело. Впрочем, довольно скоро именно так и произошло. Оступившись в очередной раз, пленник уже не смог удержаться на ногах и со стоном повис на верёвке с вытянутыми вперёд руками. Стараясь не кричать, чтобы не схлопотать несколько ударов кнутом, он попытался вновь исправить своё положение и подняться на ноги, однако силы, судя по всему, окончательно покинули его. Изогнувшись несколько раз, он обмяк и с проклятиями стал волочиться по неровной дороге. Раздражённые его воплями, всадники

всё же остановились. Один из них спешил и, подойдя к пленнику, вынул из ножен сверкающую саблю.

– Вставай, свинья, – грозно прошипел он, – или лишишься уха! Я вижу, кнут тебе сил не добавляет.

Страдалец попытался подняться, но ноги его предательски тряслись, и сил хватило лишь на то, чтоб сесть на колени. Он озадаченно посмотрел снизу вверх на своего конвоира.

– Если ты отрубишь мне ухо, то чем же я буду слушать на суде? – спросил он. – Как я докажу свою невиновность, если не буду знать, в чём меня обвиняют?

Это заявление слегка обескуражило стражника. Он взглянул на своего товарища, не спешащего спускаться с лошади, а затем вновь направил саблю на пленника.

– Тогда, клянусь Аллахом, я отсеку тебе пальцы!

Пленник несогласно покачал головой. Он явно тянул время – ведь сидение на коленях было настоящей роскошью в его положении.

– Чем же я тогда укажу на истинного виновника? – спросил он. – А ведь этот человек и сейчас находится во дворце, рядом с нашим великим императором.

– Тогда я прямо сейчас отрежу твой уродливый нос! – не выдержал стражник. – Нюхать на суде ты же не собираешься?

В гневе он толкнул пленника ногой, но саблю применить не решился – всё-таки дело имел не с обычным воришкой, а с человеком, некогда занимавшим пост на государственной службе.

– Салим, что будем делать с этой падалью? – обратился он к своему товарищу.

Второй стражник нехотя спешил и мрачно оглядел валявшегося в пыли человека. Вид у того и вправду был жалкий: одежда истрепалась, по рукам извивались узоры из свежей и запёкшейся крови, а на изодранные ноги вообще было страшно смотреть. Тот, кого назвали Салимом, задумчиво потрепал ус, глянул в сторону города, затем на круп своей лошади и, наконец, ответил:

– Я думаю, его нужно немедленно отпустить.

Молчание повисло в воздухе почти на минуту. В это время все трое непонимающе глядели друг на друга. Казалось, что и сам Салим находится в полном недоумении от собственной фразы, но вскоре его лицо вновь обрело уверенность.

– Именно так, – решительно продолжил он. – Мы должны немедленно отпустить этого беднягу.

Произнеся это, стражник обнажил саблю и одним ударом отсек верёвку, связывавшую пленника с лошадью.

– Пусть ступает прочь и ради спасения жизни не появляется на людях несколько дней.

У измождённого бедолаги откуда-то вновь появились силы, и он медленно поднялся на ноги. Бросив неуверенный взгляд на своих ещё не так давно суровых сопровождающих, он обратил спину к лучам заката и, шатаясь как пьяный, побежал прочь.

– Что ты делаешь, Салим? – ещё не до конца опомнившись, пробормотал первый из стражников. – Надо немедленно догнать его и привести во дворец.

Он уже намеревался вновь вспрыгнуть на лошадь, чтобы настигнуть беглеца, но ответ Салима окончательно смутил его.

– Я не Салим, – произнёс тот, задумчиво глядя вслед удалявшемуся.

Прошло ещё несколько минут, и шатающаяся фигура бывшего пленника почти растворилась в пламенеющем закате, словно тот, обретя свободу, решил навсегда исчезнуть из мира телесных форм и перешёл в сияющие небесные сферы.

На следующее утро о случившемся сообщили императору. Великий Акбар, который славился своим сдержанным нравом, но уж если выходил из себя, то тут мало не казалось никому, в этот раз балансировал на грани. Готовый впасть в ярость от того, что беглый сборщик налогов

вновь не доставлен во дворец, он всё же усмирил свой нарастающий гнев, узнав подробности вчерашней истории, и призадумался. Неужели его стражники начали сходить с ума?

– Не похоже на то, о Хранитель Мира, – рассудительно произнёс в ответ верный Абу-л Фазл. – Этот Салим всегда слыл благоразумным, да и в пьянстве замечен не был. Я думаю, он просто пожалел пленника и отпустил его из сострадания. Возможно, кто-то из браминов вложил в его голову такие мысли.

– Любовь к ближнему и сострадание заповеданы во всех известных мне религиях, – проговорил Акбар, – но ни в одной из них не говорится о том, что провинившегося нужно отпустить без всякого суда.

Весьма заинтересовавшись этим случаем, падишах приказал доставить Салима к себе. Уже через полчаса стражник был выдворен из темницы, наспех вымыт и приведён к императору. Некоторое время Акбар смотрел на склонившегося у его ног человека, будто по внешнему виду пытался догадаться, какие мысли бродят у того в голове, затем приказал Салиму подняться. Лицо стражника ещё больше удивило правителя. Большие глаза были игриво прищурены, словно у моряка, только что сошедшего на берег и оглядывающегося в предвкушении долгожданных развлечений. Казалось, ещё чуть-чуть – и он вовсе расплывётся в довольной улыбке.

«Похоже, и вправду спятил», – подумал император.

– Потрудись объяснить мне, зачем ты отпустил Омара Аль-Фергани, – спросил Акбар. – Уж не ты ли сам гонялся за ним несколько дней?

– Ваше величество, великий и могущественный государь, – начал Салим всё с тем же блеском в глазах, – прошу простить мой дерзкий поступок. Я осмелился не выполнить приказ, но на это у меня были особые причины.

– Что за причины? – нетерпеливо перебил его падишах. – Надеюсь, они важнее твоей головы на плечах.

– Моя голова и вправду не так важна, по сравнению с государственными делами, – ответил Салим, и голос его при этом не дрогнул. – Прежде чем продолжить, позвольте предупредить вас, государь, что многое из сказанного мною покажется необычным или даже вымышленным, но тем не менее всё это – истинная правда.

Акбар немного нахмурился и кивком головы велел стражнику продолжать.

– Я отпустил беглого Омара оттого, что узнал о его невинности. Доставить его во дворец было бы большой ошибкой – он был бы казнён со дня на день.

Император глянул на стоящего подле него Абу-л Фазла и разразился громким смехом.

– Вашему величеству известно всё во вселенной, – невозмутимо продолжал Салим, – но то, что произойдёт в будущем, зачастую неведомо даже величайшему из смертных. Случится так, что только через несколько лет вы узнаете о невинности этого человека, а истинные враги всё это время будут торжествовать в своей безнаказанности и продолжать плести паутину предательства и обмана.

– Весьма любопытно, – проговорил Акбар. – Продолжай.

– Вашему величеству удалось создать самый совершенный порядок сбора налогов. Однако некоторые чиновники нашли способ обходить строжайший учёт и утаивают часть сборов. Пока они довольствуются лишь малой толикой, но со временем их аппетиты будут расти. Из кротких овечек они вскоре превратятся в прожорливых хищников. Известен был сей секрет и Аль-Фергани, но Омар им ни разу не воспользовался, напротив, он собирался доложить вашему величеству о возможных расхищениях.

– И отчего же не доложил?

– Оттого, что его опередили. Что можно сделать с человеком, намеренным раскрыть твой способ преступления? Подкупить? Слишком ненадёжно. Да и как подкупить человека, имеющего возможность украсть, но упорно не крадущего? Убить? Появится много неожиданных

последствий после такого убийства. Делать это нужно аккуратно, чтобы не возникло подозрений, а процесс этот хлопотный, требующий много времени и надёжных людей. Остаётся только один способ – очернить самого правдолюба! Сделать его преступником до того, как он успеет обличить тебя. Дабы его слово потеряло всякий вес и уважение.

Акбар вновь посмотрел на стоящего рядом визиря:

– А он и впрямь не так безумен, как может показаться.

Жестом падишах предложил присутствующим сеть. Абу-л Фазл опустился на расшитую золотыми слонами подушку, Салиму пришлось расположиться прямо на ковре недалеко от императорских ног.

– Тебе известно, в чём обвиняют «честнейшего» Аль-Фергани? – спросил Акбар, обращаясь к стражнику.

– В том, что он утаил часть собранных денег, – ответил Салим. – Однако он эти деньги не взимал. Во всём Омар следовал вашим мудрейшим указам и избавил от налога несколько общин, пострадавших от засухи и голода.

– Но нам ничего не известно о засухе и голодающих людях Аль-Фергани, – заметил правитель.

– Потому что вам забыли об этом сообщить. Точнее, сделали это намеренно. Прикажите выяснить правду и найти того, кто повинен в её сокрытии. Только тогда вы выйдете на след истинных казнокрадов.

– Отчего же Омар так страшился предстать перед судом и несколько дней скрывался, как последний воришка?

– Очевидно, ему неизвестны имена расхитителей, и он пытался разузнать о них до того, как начнётся суд.

Акбар бросил на своего визиря выразительный взгляд, и тот понимающе склонил голову.

– Теперь расскажи, как тебе удалось прозреть покровы будущего, – приказал император Салиму. – Если мне о предательстве станет известно лишь через несколько лет, откуда это знать тебе, обычному стражнику?

– Это оттого, великий повелитель, что я не совсем тот человек, за которого меня сейчас принимают. Я скорее не Салим, а тот, кем он станет спустя сотни лет. Мне известно грядущее не потому, что Аллах дарует мне пророчества, – я сам из времён далёкого будущего. После того, как стражник Салим покинет этот мир по причине сильнейшего отравления, его душа продолжит своё странствие в теле кашмирского брамина. Он доживёт до глубокой старости и умрёт спустя четыре дня после того, как получит звание старшего судьи Сринагара. Затем он родится мельником в землях Королевы-девственницы и скончается от ран, полученных во время крестьянского бунта. Так будет продолжаться более тысячи лет. На нить моей истинной сущности станут нанизываться всё новые и новые жизни, до тех пор, пока в моём нынешнем воплощении Господь не наградит меня даром прозрения прошлого. Тогда я и начну посещать свои прежние жизни, как паломник посещает святые места.

Во время этого рассказа визирь всё выше и выше приподнимался с подушек – то ли от удивления, то ли от возмущения, – пока, наконец, не встал на ноги. Акбар же, напротив, оставался спокойным и молча слушал, ничем не выдавая своего отношения к этой истории.

– Доводилось ли тебе рождаться женщиной? – поинтересовался он.

– Только однажды, – ответил Салим. – Я родился девочкой-цыганкой в одном из городов Магриба. Мою мать продали в рабство, и воспитывала меня не то бабка, не то прабабка, занимавшаяся предсказаниями и колдовством. Она собирала засушенные змеиные головы в таком количестве, что ими был завален весь дом, и знала множество удивительных историй, в правдивости которых не позволяла усомниться никому. Когда колдунья скончалась, девочка после месяца скитаний умерла от голода.

Акбар пронизательно посмотрел на стражника. Удивительная история на время заставила его забыть о беглом сборщике налогов и расхищениях казны.

– Много рассказов слышал я про странствия души, – проговорил он, – некоторые из них показались мне правдивыми. Но даже индуисту или буддисту будет сложно поверить, что человек может входить в свои прошлые тела, как рука в перчатку. Можно ли вставить саблю в старые ножны, если они навсегда утеряны? Можно ли облачиться в старые одежды, если они давно истлели?

– Ваше величество безгранично мудры! Возможно, я и не возвращался сюда сквозь века. В каком-то смысле я и сейчас остаюсь в своём теле, но открываю в памяти прошлые жизни. Я вновь переживаю случившееся со мной когда-то, и переживания эти настолько сильны, что почти обрели реальность.

Мрачная тень пробежала по лицу императора. Его брови возмущённо сдвинулись.

– Ты смеешь утверждать, что Великий из Моголов, потомок Тимура и Бабура – всего лишь плод твоих воспоминаний? – угрожающе спросил он. – И мудрейший Абу-л Фазл, сидящий здесь, тоже существует в твоей голове? Что ты позволяешь себе, обезьянье испражнение?! Я и вправду подумал, что ты в своём уме.

Император хлопнул в ладоши, и стража тут же окружила Салима.

– Посмотрим, насколько реальным окажется меч, что завтра отрубит твою башку!

Салим не успел опомниться, как вновь оказался в темнице. В мрачном помещении, которое представляло собой широкий каменный мешок – готовую могилу для ещё живого человека, – было сыро и пахло мертвечиной. И, возможно, не просто пахло: зажги здесь свет – и наверняка обнаружишь останки какого-нибудь несчастного. Будучи стражником, он, вероятно, забрасывал в эту клоаку пленников, и вот – сам сидит под замком.

Интересно, какой переполох вызвала во дворце его история? Должно быть, министры по приказу императора выясняют, реальна ли денежная брешь, а стражники продолжают отыскивать беглого Омара Аль-Фергани. Возможно, Акбар собрал своих мудрейших советников в ибадат-хана – молитвенном доме, где обычно происходят шумные философские диспуты, – и обсуждает вероятность прогулок по прежним воплощениям. Так или иначе, Салима наверняка ожидает незавидная участь. Самое печальное то, что бедняге придётся расплачиваться за деяния, которые сам он, по сути, не совершал.

Отрубание головы. Это может даже показаться романтическим, если происходит с каким-нибудь персонажем выдуманной истории, но когда отделять собираются твою собственную голову, пока ещё уверенно держащуюся на плечах, уже совсем не весело.

«Почему, собственно, отрубание? – думал Салим, сидя на земляном полу. Обычно преступников казнили при помощи виселицы. Иногда, если хотелось более зрелищного действия, могли затоптать слонами, а вот к мечу и плахе прибегали, по неизвестным причинам, достаточно редко. Возможно, таким образом во дворце решили внести некоторое разнообразие в рутину обычного убиения. – А может быть, моя голова достаточно созрела для того, чтобы отделиться от туловища?» – подумал он обречённо.

Впрочем, император мог внезапно изменить своё решение. Такое время от времени случалось. Все помнили грандиозную охоту, в которой Акбар задействовал едва ли не всю свою армию. Пятьдесят тысяч воинов образовали гигантское кольцо диаметром в пятьдесят косов¹ и начали сгонять всех зверей, что были в округе. В течение месяца воины сужали этот круг, пока все животные не оказались загнанными на небольшой площади. Первым в круг въехал сам Акбар. Обычно он охотился на протяжении пяти дней, используя при этом лук, меч, мушкет и даже аркан. Иногда падишах брал с собой двух дрессированных гепардов, которые самостоятельно настигали оленей, а затем послушно приносили добычу хозяину. После того, как

¹ Кос – мера длины, около 1828 метров.

император удовлетворял свои охотничьи страсти, в круг допускались ближайшие придворные, затем дворцовые слуги, чиновники и военные. Охота постепенно переросла в массовое побоище. Бывали случаи, когда во время неразберихи люди сводили счёты друг с другом и вместо оленя получали более желанный трофей – труп своего врага. Однако на этот раз Акбар, неожиданно для всех, решил прекратить охоту в самый последний момент. Коротким приказом он велел отпустить всех загнанных животных целыми и невредимыми, и живой круг из пятидесяти тысяч воинов послушно расступился. После этого случая падишах стал испытывать некоторое отвращение к убийству и временами даже воздерживался от мясной пищи.

Ближе к вечеру в потолке темницы открылся люк. В слабом свете Салим разглядел очертания Абу-л Фазла. Некоторое время визирь вглядывался в смрадную темноту, а затем спросил у пленника:

– Это всё ещё ты, паломник по чужим жизням?

– Да, – коротко ответил тот.

– И как долго ты собираешься находиться в этом теле?

По интонации визиря было трудно определить, издевается ли он над заключённым или вправду интересуется. Во всяком случае, перед Салимом забрезжила зыбкая надежда на помилование, и он послушно ответил:

– Обычно я пребываю в прошлой жизни несколько дней, иногда около месяца. Но часто мои путешествия совсем кратковременны, особенно если я глубоко погружаюсь во мрак веков. Скоро, если позволит Аллах, я вернусь обратно.

– Так ты не сможешь исчезнуть прямо сейчас?

– Нет, великий визирь. Я могу лишь ускорить этот процесс, или продлить, но не слишком сильно.

– Что же произойдёт, если тебе оттяпают голову?

– Казнь не страшит меня, мудрейший. Я просто вернусь обратно в свою жизнь. Жаль мне лишь невинного стражника Салима, который поплатится своей головой.

На несколько секунд очертания визиря неподвижно застыли в облаке света.

– Радуйся, несчастный! – наконец воскликнул он. – Великий император решил избавить тебя от долгих ожиданий. Завтра ты попрощаешься с этой жизнью и вернёшься в свою собственную, если такая всё же есть.

С этими словами голова исчезла, и люк захлопнулся, вновь оставив Салима в липкой темноте. За время короткого разговора он так и не успел разглядеть, что скрывает окружающий его мрак.

Утром заключённого вновь извлекли из темницы. Две служанки напоили его водой из медного кувшина, затем переодели в свежую одежду, придав облик, более подобающий для прощания с жизнью. В завершение церемонии девушки завязали ему глаза плотной тканью, и Салим снова оказался в темноте – правда, уже не такой густой и смрадной, как темнота подземелья. Два стражника схватили его за руки и не спеша повели – сначала по бесконечным коридорам дворца, где царил приятная прохлада, затем по лестницам и галереям, что огибали роскошные императорские павильоны. Довольно долго они шли по мраморной дорожке вдоль озера, пока, наконец, не остановились. Как только с глаз сняли повязку, Салим почувствовал сильное головокружение и чуть было не упал на раскалённый от солнца двор.

Ну, вот и оно – место, где бывший стражник прекратит своё существование. Салим огляделся. Слева от него вытянулась шеренга из десяти воинов в полном вооружении. Позади них, торжественно приподняв подбородок, стоял палач с огромной саблей в руках. По правую сторону от Салима расположилась группа придворных и специально приглашённых гостей, среди которых было и несколько иностранцев, одетых на европейский манер. Акбар, судя по всему, не пожелал выйти из своего паланкина – из-под шёлковых занавесок виднелся только смутный

силуэт его могучей фигуры. А прямо перед собой Салим увидел просторную клетку из толстых прутьев, по которой напряжённо ходили четыре голодных гепарда.

Пожалуй, каждому жителю города было известно о большой привязанности падишаха к этим животным. Своего первого гепарда Акбар, ещё будучи молодым принцем, получил в подарок от одного раджи, а вскоре эти звери стали настоящей страстью императора, и их количество пошло на сотни. Сейчас дворец кишел хищниками. Все животные были поделены на восемь рангов и мясо получали в зависимости от своего положения в этой кошачьей иерархии. Самые привилегированные вольготно разгуливали по дворцовым комнатам, одетые в безрукавки, украшенные драгоценными камнями. Главой гепардов был признан зверь по имени Кутас. Свой высокий титул он получил после знаменитой охоты, когда, к изумлению императора, перепрыгнул через широкий овраг чтобы настичь оленя, – этот подвиг был занесён в книгу охотничьих достижений. Во время торжественной церемонии по этому случаю слуги несли Кутаса на специальных носилках, где он возлегал на дорогих коврах и довольно фыркал – видимо, прославляя императора на своём кошачьем языке. Впереди тащили гигантский барабан и громко в него били.

Гепарды низших сословий держались в специальных ямах или деревянных клетках, одна из которых как раз стояла сейчас перед Салимом. Звери внутри были ещё совсем дикими. Пройдёт несколько месяцев, прежде чем они привыкнут к своему хозяину, а затем понемногу начнут выполнять его команды.

Стражники повернули Салима, и он увидел перед собой лукавое лицо Абу-л Фазла.

– Благодарю Аллаха, несчастный! – торжественно произнёс визирь. – Великий император дарует тебе шанс на спасение.

Салим бросил взгляд на стоящий в стороне паланкин. Силуэт Акбара за шёлковыми занавесками был совершенно недвижим, словно на место падишаха посадили куклу.

– Если не хочешь лишиться головы, – продолжал Абу-л Фазл, – тебе предстоит пройти через эту клетку. Выйдешь живым с другой стороны – тебе будет позволено навсегда покинуть город.

Не вдаваясь в подробности, визирь спокойно отошёл в сторону и занял своё место рядом с придворными. Салим вновь взглянул на клетку. Зверей явно не кормили несколько дней. Один из них возбуждённо бегал по периметру и хищно принюхивался. Два других расхаживали по центру, яростно рыча друг на друга – словно заранее делили будущую добычу. Наконец, четвёртый гепард безучастно сидел в стороне, но вид у него был самый голодный.

Салим прикинул расстояние. Ему предстояло пробежать всего с десяток метров, прежде чем он окажется у другого выхода. Если хищники не успеют повалить и растерзать его – возможно, с некоторыми повреждениями ему удастся выбраться наружу. Но что будет дальше, когда его, израненного, без еды и питья выставят из города и заставят уйти прочь? Салим бросил ещё один взгляд на зрителей. Придворные что-то активно обсуждали – не иначе как заключали пари. Интересно, какие ставки делались на благополучный исход? Большинству, как показалось Салиму, верилось, что приговорённый выживет.

Четверо слуг подошли к клетке и послушно заняли место у дверей, готовые по команде впустить пленника внутрь и выпустить с другой стороны. Салим ещё раз огляделся по сторонам, затем сделал шаг в сторону императорского паланкина и, поклонившись, замер. Нахмурившийся Абу-л Фазл отделился от группы придворных и подошёл ближе.

– В чём дело? – недовольно буркнул он. – Мы не будем ждать, пока ты наберёшься мужества!

– Позволь сказать, мудрейший, – ответил Салим. – Если мне позволено выбрать свою участь, то я сделал выбор. Пусть меня лишают головы!

Визирь на мгновение замер, затем пристально оглядел заключённого с головы до ног и задумчиво побрёл к паланкину падишаха. Несколько минут он что-то объяснял Акбару,

и голова того в раздумьях опускалась вниз. Все остальные в это время оставались недвижимы, словно шахматные фигуры. Придворные прекратили свои разговоры, и даже гепарды поне-многу успокоились. Наконец, Абу-л Фазл отошёл в сторону и махнул рукой. Шеренга из вои-нов расступилась, и Салим увидел палача в полный рост. Его смуглое лицо по-прежнему без-участно смотрело куда-то вверх. Он церемонно опустил саблю, затем повернулся и зашагал прочь. Тут и весь двор пришёл в движение: вооружённые воины стали торжественно отходить, слуги подняли паланкин Акбара и понесли императора внутрь дворца, гости разочарованно вставали со своих мест и, что-то обсуждая, нехотя расходились.

Два стражника вновь взяли Салима за руки и, на этот раз не завязав глаз, повели обратно. Они опять проделали тот же путь, только отвели заключённого не в подземелье, а оставили в небольшой комнатке, где Салим на некоторое время остался один. Он попытался пред-ставить, какую гамму чувств удалось бы пережить не его месте обычному приговорённому, балансирующему на лезвии между жизнью и смертью. Зыбкая надежда на помилование, затем разочарование, наконец, опять шанс выжить. Человек, дороживший своей шкурой, уже давно сошёл бы с ума, понимая, что тонкая нить, связывающая его с этим миром, то почти обрыва-ется, то вдруг снова крепнет.

Вскоре в комнате появились три служанки. Девушки молча расставили перед Салимом блюда с едой; одна из них омыла ему руки из серебряного сосуда, и, поклонившись, все три исчезли. В раздумьях Салим начал есть. Интересно, что заставило Акбара изменить решение? Возможно, удалось найти беглого Омара, и император приказал отложить казнь, пока ситуа-ция с разворованной казной не прояснится. «Но скорее всего, – подумал Салим, – император с самого начала решил отдать его на волю провидения. Клетка с гепардами – хороший выход из положения. Выживет приговорённый или нет – такова воля Аллаха. Сабля же палача даёт слишком мало шансов даже на вмешательство Всевышнего».

Когда Салим закончил трапезу, в комнату вошёл раджпутский воин из личной охраны императора. Вид у пришедшего был настолько свирепый, что, казалось, казнь сейчас возобно-вится прямо в этой комнате.

– Хранитель Мира – наш великий император – решил помиловать тебя, – на удивление спокойно сказал воин. – Благодарю нашего милосердного правителя за его мудрость и прозор-ливость. Пока оставайся здесь, сегодня вечером его величество желает видеть тебя.

Раджпут окинул комнату суровым взглядом, будто отыскивая себе подходящую жертву, а затем, величественно вышагивая, покинул помещение. Оставшись в одиночестве, Салим почувствовал сильное, почти непреодолимое желание спать. Он улёгся на ковёр и, уткнувшись лицом в густой ворс, почти мгновенно уснул.

Во сне он вновь увидел клетку с гепардами. Хищники спокойно лежали по углам, а при-дворный музыкант Тансен, сидя в центре, исполнял «Шанкару» – рагу, успокаивающую зве-рей. Вокруг клетки вперемежку стояли придворные и гости. Акбар соседствовал с палачом, Абу-л Фазл расположился в окружении императорских жён и евнухов из гарема. Когда произ-ведение закончилось, придворные начали живо обсуждать, что слушать дальше. Одни предла-гали Тансену спеть «Бахар», от которого расцветают деревья, другие настаивали на исполнении раги, исцеляющей дурные болезни. Однако, повинаясь решению императора, все согласились насладиться знаменитой «Дипак», от которой сами по себе загораются свечи. Вышколенные слуги быстро расставили вокруг клетки кипарисовые подсвечники, и Тансен запел. От его волшебного голоса всех бросило в жар, а во время крещендо свечи начали загораться одна за другой. Наконец, когда уже впавший в экстаз певец достиг кульминации, его светлая, с голу-быми узорами дхоти вспыхнула ярким пламенем. Музыкант, однако, не растерялся и в проти-вовес «Дипаку» быстро исполнил «Мегх Малхар» – рагу, вызывающую дождь. Тучи на небе мгновенно ступились, и двор оросило спасительной влагой. Восторженный Акбар поблагода-рил Тансена за столь рискованное представление и пожелал увидеть, как музыкальные инстру-

менты начнут играть сами по себе во время исполнения «Дхрупад». Певец уже затянул было следующую рагу, как вдруг один из очнувшихся гепардов набросился на него сзади и повалил на пол.

Салим проснулся от нежного прикосновения девушки-служанки. Оказалось, что проспал он довольно долго, и уже настал час посещения императора. Его вновь провели по лабиринтам дворца, и, поднявшись по широкой лестнице, он оказался в просторном зале. На небольшом возвышении в центре сидел Акбар в окружении своих любимых приближённых, которых великодушно именовал «девятью жемчужинами». Среди «жемчужин» был и Тансен – целый и невредимый.

Чёрные волосы императора, опущенные на индийский манер, величественно ниспадали на плечи; сахарной белизны тюрбан, повязанный в раджпутском стиле, на их фоне казался каким-то нереальным; лоб украшал браминский тилак, нанесённый сандаловой пастой. В таком виде Акбар нередко предстал во время приёмов гостей и торжественных случаев, чем часто вызывал у правоверных некоторое замешательство. В головах наиболее ревностных мусульман бродили мысли, что император решил отойти от веры в Аллаха и принял индуизм, но эти мысли редко кто решался произнести вслух – за такое можно было запросто лишиться языка, причём вместе с головой.

К немалому удивлению всех присутствующих, Акбар предложил Салиму сесть рядом. Соблюдая все правила приёма важных гостей, падишах приказал подать вино и угощения. Салим попробовал маргинанский гранат, в котором чувствовался приятный привкус абрикоса, и сушёный урюк, называемый сухбани, из которого вынимают косточки, а внутрь кладут очищенные ядрышки. Он сравнил вкус бухарской и ахсийской дынь и отдал явное предпочтение последней.

Всё это время по залу разлеталась чарующая мелодия флейты, а тихие постукивания по табла придавали этому потоку лёгкий напор. Музыка то бабочкой взлетала высоко к мраморному потолку, то, подобно змее, вкрадчиво скользила по дорогим коврам. После того, как пульсирующая мелодия начала стихать и окончательно растворилась в тишине помещения, Акбар, наконец, обратился к своему гостю.

– Я должен поблагодарить тебя за твой поступок, – негромко произнёс император. – Он был достаточно дерзок, и за это можно было поплатиться жизнью. Однако теперь я вижу, что рисковал ты ради благой цели.

В знак признательности Салим склонил голову.

– Вчера беглый Омар Аль-Фергани рассказал мне много любопытных вещей. Как ты и предполагал, никаких имён он назвать не может, но по некоторым его подсказкам можно усовершенствовать сборы налогов. Мы всерьёз подозреваем, что некоторые собирали со своих подопечных за 365 дней в году по солнечному календарю, а в казну отдавали за 354 дня – по лунному. Это лишняя лазейка для мошенников. С сегодняшнего же дня все сборы будут рассчитываться одинаково.

Падишах на мгновение задумался, затем пронзительно взглянул на Салима.

– Но сейчас меня больше интересует твоё паломничество в прошлые жизни. Твой выбор казни окончательно убедил меня. Любой здравомыслящий человек на твоём месте обязательно выбрал бы клетку с гепардами. Ты же предпочёл быстро лишиться жизни, чтобы не подвергаться мучительным испытаниям в теле, которое вскоре покинешь.

– Я вновь убеждаюсь в вашей мудрости, о Хранитель Мира, – ответил Салим, – но не думаете ли вы, что на моём месте любой сумасшедший принял бы точно такое же решение, ибо до самого конца верил бы в своё безумие?

Акбар усмехнулся.

– Казнь была лишь последней проверкой. Основания поверить в эту историю у меня были и раньше. Дело в том, что много лет назад я уже встречал человека, подобного тебе. Однажды

он прибыл ко мне с португальскими послами. Так же как и ты, он не только помнил свои воплощения, но и мог по собственной воле путешествовать по ним. С большими подробностями он рассказывал о том, как правил русским княжеством четыре века назад, как участвовал в грабительских набегах на Константинополь вместе с франкскими рыцарями и как жил в теле святого, в честь которого в Хорезме установлен мазар. На службе у английского короля он помогал испанскому алхимику превращать медь в золото и тайно изучал наследие пифагорейцев, будучи настоятелем христианского монастыря. Более полугода мы провели в беседах с этим португальцем, пока в один из дней он вдруг не позабыл все свои рассказы.

Акбар задумчиво опустил глаза, словно сказанное заставило его вновь испытать неприятные переживания. Однако, взглянув на Салима, он едва заметно улыбнулся. Вид у гостя был растерянным, что до этого не замечалось даже перед казнью. Это порадовало императора.

– Почему же Ваше величество поверили незнакомцу? – поинтересовался Салим.

– Несколько лет португалец провёл рядом со мной, и за это время мне достаточно хорошо удалось изучить его повадки. Когда же он начал вспоминать свои прежние жизни, то сильно изменился. Слово и вправду другой человек вошёл в его тело. – Акбар в раздумье огляделся и продолжил совсем тихим голосом, так, что слышно было только им одним: – Однажды он заболел, и никто из лекарей не мог понять причину этого недуга. Избавил его от болезни тибетский йогин по прозвищу Друк. Он напоил больного отваром из пяти трав, после чего тот мог говорить одну лишь правду. Каждый человек знает причину своего заболевания лучше любого лекаря, нужно только заставить его говорить, – так объяснил Друк. И вправду, тибетец поставил больного на ноги за два дня. Я же, как ты понимаешь, воспользовался действием этого отвара и проверил, насколько португалец откровенен со мной и не сбивается ли с тропы искренности.

– Отчего же вы не дали этого снадобья мне? – поинтересовался Салим, подозрительно взглянув на свой сосуд с вином.

– Секрет этого напитка теперь здесь никому не ведом, он давно исчез в горных пещерах вместе с Друком. Я посчитал его действие слишком опасным для людей. Очень много зла может наделать этот отвар, если станет достоянием простых смертных. – Император отпил вино из кубка и продолжил своим обычным голосом: – Я думаю, мы ещё побеседуем с тобой, паломник по прошлым жизням. Сейчас же не будем заставлять присутствующих скучать. К тому же я хочу отблагодарить тебя ещё кое-чем.

Акбар сделал знак рукой, и в зале снова заиграла музыка. Под монотонные удары барабана в центре помещения появилась танцовщица с веером из павлиньих перьев в руках. Полупрозрачная материя укрывала её с головы до ног, но под тканью легко угадывались округлые формы золотистого тела. Следуя ритму музыки, девушка невесомо двигалась перед зрителями. Украшенные браслетами руки то и дело взмывали вверх, словно брызги; бёдра вызывающе колыхались, а тяжёлые груди покачивались им в такт. Темп танца стал заметно убыстряться. Подрагивая, будто паутинка на ветру, девушка приблизилась к Акбару и на мгновение замерла. Она застенчиво опустила глаза, затем медленно подняла свои чёрные ресницы и бросила на императора страстный взгляд. Музыка почти стихла. Руки танцовщицы нырнули под прозрачную вуаль и заскользили по гладкой коже. Быстрым, словно порыв ветра, движением девушка скинула с себя лёгкую ткань и предстала в своей песочной наготе, прикрытой лишь широким поясом и бесчисленными украшениями. Чуть склонив голову, она дерзко посмотрела на Салима, затем сделала шаг в его сторону и смиренно опустилась на колени.

Все присутствующие с ожиданием глядели на императорского гостя, который, не в силах отвести взгляда от волнующего женского тела, застыл в недоумении.

– Теперь вы можете обменяться подарками, – пояснил Акбар.

– Но мне нечего ей подарить, – неуверенно пробормотал Салим.

Падишах громко рассмеялся, и по залу, будто эхо, прокатились звонкие смешки придворных. Одна танцовщица оставалась серьёзной; её черные глаза по-прежнему призывно смотрели снизу вверх.

– Теперь я действительно вижу, что ты попал к нам издалека, – сказал император, когда смех унялся. – Ты можешь сделать самый лучший подарок – отдать ей свою мужскую силу. А взамен получишь её целомудрие.

В небольшой комнате среди пёстрых занавесок Салим оказался с девушкой один на один. Танцовщица принялась неторопливо скидывать с себя бесконечные ожерелья и браслеты. С каждым новым движением её плоть всё больше выглядывала из-под жемчуга, кораллов и маленьких овальных зеркал. Тело освобождалось от искусственной красоты, чтобы предстать в своём первозданном виде. Ещё чуть-чуть – и природное совершенство окончательно восторжествует и затмит своим сиянием все драгоценности. Однако девушка будто бы не спешила расставаться со своими блестяшками. Каждый раз, избавляясь от очередного украшения, она стыдливо замирала и, казалось, вот-вот начнёт одеваться снова. Но возбуждение и страсть быстро брали верх над природной застенчивостью, и следующее ожерелье тут же летело на пол. Наконец, с тела соскользнул расшитый узорами пояс, и танцовщица предстала в полном обнажении, не считая серёжек и десятка заколок в волосах. Она придвинулась вплотную – так, что Салим почувствовал сладкий аромат и жаркое прерывистое дыхание у себя на шее. Одежда волшебным образом исчезла, а острые ногти уже скользнули по его обнаженной груди вниз. Позабыв, кто он и где, Салим растворился в наготы и полностью отдался во власть благоухающей страсти.

В теле танцовщицы как будто соревновались четыре стихии. Вот она податлива, как вода, и готова подстроиться под любое движение, а в следующую секунду становится горным утёсом и непреклонно подчиняет себе. Вот она взлетает, словно птица, и делается почти невесомой, чтобы в следующее мгновение обжечь болезненным прикосновением. Стихии чередовались между собой всё быстрее, пока, наконец, не слились в едином и бесконечном эфире.

Когда Салим пришёл в себя, девушка сидела рядом. Она протянула ему чашу с шербетом и орехи. Чёрные блестящие волосы были заплетены в длинные косы с изумрудными лентами и едва прикрывали груди с вздёрнутыми вверх коралловыми сосками.

– Неужели я в раю? – пробормотал Салим.

Он внимательно оглядел комнату, затем вопросительно скосился на девушку.

– Если я живой, то где нахожусь?

Танцовщица улыбнулась и прижалась гладкой щекой к его плечу.

– Мой господин столько сил отдал мне этой ночью, что, видимо, потерял память. Ты в гостевых покоях императорского дворца.

– Гостевых покоях?! – удивился Салим. – Как я мог тут очутиться?

– Его величество оказал тебе великую честь и принял со всеми почестями, как важного гостя.

Девушка нежно поцеловала его в щёку и крепко оплела своими изящными руками. Её не волновало, что любовник совершенно не помнит того, что происходило ночью, как, впрочем, и всего, что случилось с ним за несколько последних дней.

2

Признаться, никогда до этого я и не задумывался, что кто-то помимо меня может совершать подобные путешествия. Такая способность всегда казалась мне чем-то исключительным, и поначалу это доставляло радость. Лишь с годами, погружаясь в дремучее прошлое, я всё больше стал ощущать тоскливое одиночество. С каждым новым путешествием оно, как осадок, откладывалось во мне, пока не выкристаллизовалось в холодный и грубый

сталактит. Я начал понимать пророков, которые считали, что дарованные небесами способности – почти проклятие. Тяжёлая ноша, что следует влачить, выполняя своё предназначение. Но если провидцы могли изменить будущее и находили в этом радость служения, то я бесконечно копался в разлагающемся трупе истории и, как ни старался, не мог увидеть в этом особого смысла. Нет смысла – нет и радости. Как ни крути, но будущее – это строящийся муравейник, а прошлое – лишь копошащиеся в мёртвой плоти черви. Мне хотелось созидать и возводить. Из-под покровительства Шивы, в радостном танце разрушающего вселенную, я бы охотно перешёл под знамёна Браммы-творца, хотя и прекрасно понимал, что оба они – лишь разные лики одного и того же бога.

С вашим появлением в этой истории, дорогой аббат, впереди забрезжил свет. Я почувствовал острую необходимость встретиться с вами. Проклятый сталактит внутри дрогнул. Словно одержимый, я принялся отыскивать ваши следы в истории и начал с личности таинственного португальца. Кое-что мне удалось узнать.

Христианская миссия отправилась в Индию в 1574 году. Средства на экспедицию были собраны самые скромные. Питаться приходилось по большей части чечевицей и гнилыми сухарями. Из четырёх судов только флагманское было укомплектовано сносной командой, на остальных же вместо моряков неуклюже разгуливали крестьяне, которые постоянно путали право и лево. Находчивый капитан одной из каравелл привязал к одному борту лук, к другому – чеснок и команды отдавал соответствующие: «Руль на лук!» или «Руль на чеснок!». В ужасных условиях им удалось обогнуть Африку и достичь Индии.

Задача перед посольством стояла достаточно важная – наладить дипломатические отношения с Великим Моголом. Сделать это было крайне непросто после того, как португальцы направо и налево сеяли здесь смерть в течение нескольких десятилетий. Прибывший сюда в начале века адмирал Педру Алваризи Кабрал первым делом обстрелял город из корабельных орудий и потребовал привести на борт заложников. Только после этого португальцы сошли на берег для заключения торговых сделок. Однако привезённые второсортные товары и безделушки оказались невостребованными в богатой стране, так что индийцев пришлось заставить взять товар силой. По завершении «сделки» Кабрал повесил заложников, сжёг все индийские корабли, что стояли в гавани, и отчалил, напоследок ещё раз обстреляв город из бомбард. В том же духе прошла вторая «дипломатическая миссия» во главе с Васко да Гама, чьи палубы были скользкими от пролитой крови, а реи щедро обвешивались гроздьями пленных. Португальцы стали убеждаться, что пушки и аркебузы – важнейшие инструменты в торговых делах.

Ну, а после того, как европейцы твёрдой ногою стали в Азии, смерть принялась более уверенно распускать свои щупальца. Альфонс д'Альбукерки, провозглашённый вице-королём Португальской Индии, по всей видимости, решил посоревноваться в жестокости с лучшими палачами Европы. Его образ, с горящими глазами и чёрной бородой до пупа, внушал такой ужас, что даже европейцы шарахались от него в сторону, а местные жители признавали в нём главного помощника Кали-разрушительницы. Для начала д'Альбукерки перебил всё население Гоа, включая женщин и детей, сровнял с землёй храмы и устроил себе столицу. На обильно орошаемой кровью земле быстро, как сорняки, стали расти мощные крепости: Маскат, Каннур, Кочин.

Аппетиты европейцев к тому времени не только не удовлетворились, но продолжали расти. Португальцы установили абсолютную монополию на торговлю в восточных морях. Они поставили к ногтю порты Индии, Аравии, Африки – все, где купцы торговали индийскими товарами. Любое сопротивление пресекалось наработанными методами: город обстреливали, дома сжигали, а ценное увозили с собой. В общем, уничтожали всё по мере возмож-

ности. Людей, как правило, убивали. Тем же, кому была «дарована жизнь», отрезали нос, уши, правую руку и большой палец на левой ноге – как напоминание о неразумном сопротивлении. Казалось, что д'Альбукерки достиг желаемой цели и превзошёл в жестокости всех, кого только мог. Сам Сатана должен был принять его после смерти с распростёртыми объятиями, как равного. Но вице-король на достигнутом не останавливался и продолжал злодеяния. Он потребовал от правителя иранского Ормуза признать сюзеренство. В случае отказа пригрозил разрушить город, а на его месте возвести форт со стенами из костей магометан, воротами, обитыми отрезанными ушами, и португальским флагом, установленным на горе из черепов. Правитель Ормуза признал свой вассалитет. Впрочем, как и многие другие.

По мере того, как европейцы утверждались в Индии, перед ними всё острее вставала необходимость в поддержке местных владык. Какое бы удовлетворение ни приносило кровопролитие, на торговле оно сказывалось не лучшим образом. Нужно было наладить мир и заручиться поддержкой наиболее сильных правителей, а значит, для начала установить настоящие дипломатические отношения. Поводом для сближения стали религиозные реформы императора Акбара и его гипотетический интерес к христианству. Для этого и было организовано нынешнее посольство.

Прибывшая из-за океана миссия состояла из четырёх человек: двух братьев-иезуитов, переводчика и собственно посла. Кто из них являлся вашим воплощением, аббат, мне и предстояло выяснить. Христианских проповедников звали Антони де Монсеррат и Рудольф Аквавива. Переводчик – брат Франсиско – также был членом ордена. Имени посла мне выяснить не удалось.

В декабре 1579 года они отправились из Дамана в Фатехпур-Сикри и через полгода достигли столицы Великих Моголов. Здесь они были поражены величественной архитектурой, соединившей в себе мусульманские традиции и мастерство индийских зодчих. Их глазам открылись величественные крепостные стены, сложенные из красного песчаника, за которыми скрывались не только красивейшие дворцы, но и зелень разбитых внутри садов, голубые озёра и журчащие фонтаны.

Но более всего их удивил радушный приём Акбара. Отправляясь в самое логово иноверцев, иезуиты заранее были готовы принять мученический венец во славу Христовой веры; затем их настрой сменился неким недоумением: почему их, собственно, никто не режет?; и, как завершение череды благоприятствующих событий, – искреннее гостеприимство мусульманского правителя. Узнав, что к нему прибыли настоящие знатоки христианской теологии, падишах быстро расположился к португальцам. Религиозные и философские вопросы волновали его в это время больше всего. Император давно отошёл от политики нетерпимости и всё дальше отклонялся от традиционного ислама. Мусульмане и джайнисты, индуисты и буддисты – все обрели равные права под покровительством Акбара, и страна от этого, бесспорно, только выигрывала, постепенно превращаясь в сад без шипов.

Не мешкая, братья-иезуиты принялись рьяно участвовать в религиозных диспутах. Их проповеди были настолько страстными и убедительными, что Акбар попросил их сбавить пыл, дабы не разжечь настоящие волнения среди придворных. Местные богословы, конечно, отнеслись к приезжим враждебно, хотя и не шли на открытый конфликт из уважения к императору. После того, как миссионеры вручили браминам три роскошных библейских фолианта, те отблагодарили их весьма сомнительным подарком – шерпскими амулетами из мошонки буйвола.

По прошествии года «заморские мудрецы» совершенно прижились во дворце. Антони де Монсеррат овладел местными языками и стал изъясняться без помощи переводчика. По просьбе императора он даже принимал участие в воспитании принца и учил его латыни, в общем – вошёл в круг приближённых. Дружественные отношения были налажены. Великий Могол исправно выплачивал португальцам дань за выход к океану, признавая их морское гос-

подство, и был с ними более лоялен, нежели с голландцами или англичанами. Однако миссионеры решили пойти дальше. Перед ними забрезжила возможность обратить падишаха в христианство, а это уже сулило фантастические преимущества.

Интерес к «назарейскому учению» у Акбара и вправду не ослабевал; в то же время он не менее серьёзно рассматривал и другие религии. В своей столице император учредил ибдат-хана – молитвенный дом, посвящённый всем духовным поискам. Широкие реки ислама, мутные течения джайнизма и индуизма, звенящие горные потоки буддизма – всё смешивалось здесь воедино. «Где бы ты ни черпал воду, она всегда остаётся сама собой, различаются только источники», – говорил Акбар. Миссионеры наблюдали, как у них на глазах рождается новая религия. «Дин-и иллахи», или «божественная вера», как назвал её падишах, призывала к молитвам единому Богу, который лишь приоткрывает себя в отдельно взятых учениях. К традиционным индийским верованиям, таким образом, добавились христианство и зороастризм. На любые противоречия, которые нередко возникали, Акбар миролюбиво отвечал: «Только косоглазый не замечает того, что в середине».

Новое учение почти не распространялось за пределы дворца, однако и среди придворных случались разногласия. Кто-то категорично отвергал «божественную веру», другие же не только принимали её, но и видели в императоре нового пророка, призванного обновить ислам спустя тысячу лет со времён Мухаммеда. Некоторые шиитские общины уже называли Акбара «Скрытым Имамом», другие радовались, что стали свидетелями пришествия Великого Махди, который уничтожит зло и направит род человеческий на путь истины. Способствовало этой убеждённости и имя самого падишаха. Традиционное сочетание «Аллах Акбар» могло пониматься как «Аллах велик» и в то же время – как «Бог есть Акбар». Почитание достигло такого предела, что когда император получил во время охоты ранение в пах, несколько придворных буквально боролись за честь нанести лекарственную мазь на больное место. Удостоился этой величайшей почести мудрейший Абу-л Фазл.

Сам император не особенно настаивал на культе своей личности, но считал дин-и иллахи едва ли не главным достижением в жизни. «Счастлив, ибо прилагаю священное Учение, даю довольство народу и оттеняюсь большими врагами», – сказал он однажды.

А враги и вправду не заставили себя долго ждать. Пока иезуиты состязались в красноречии с местными мудрецами, на севере страны вспыхнуло восстание. Наиболее ортодоксальная мусульманская знать призывала народ ценой своей жизни защищать истинную веру, а один из шейхов издал фетву, предписывающую низложить падишаха как врага ислама. На роль императора у мятежников нашлась своя кандидатура – сводный брат Акбара Хаким, наместник Кабула и отчаянный пьяница. Видимо, так до конца и не протрезвев, Хаким с войсками двинулся на Пенджаб и овладел Лахором.

Когда известия с севера достигли Фатехпур-Сикри, император помрачнел. Собираясь в поход, он предложил поучаствовать в военной компании и братьям-иезуитам. Португальцы согласились – видимо, всё ещё лелея надежду обратить падишаха в свою веру. Расстроганный этим согласием, Акбар пообещал построить шикарный мавзолей в случае, если гостям вдруг посчастливится умереть в бою за императора, однако миссионеры вежливо отказались и попросили, в случае такого нежелательного исхода, похоронить их по христианскому обычаю. «Одно другому не мешает», – глубокомысленно заметил на это падишах.

В 1581 году войска Акбара начали решительно подавлять мятеж. Они усмирили Бенгалию, быстро вытеснили пьяницу Хакима из Лахора и двинулись на восставшие пуштунские племена. Афганские воины оказывали наиболее яростное сопротивление – во-первых, потому, что надеялись посадить на трон Хакима, но главным образом оттого, что в бой шли все до одного одурманенные опиумом. Такой способ воевать давно стал у пуштунов славной военной традицией. Однажды им даже пришлось отменить войну из-за плохого урожая опиумного мака.

Конечно же, Акбару удалось взять и Кабул. Когда сводный брат предстал перед ним, падишах глянул на него, как на комара и, не удостоив и единым словом, удалился. В конце концов Хаким был только маской, за которой скрывались истинные враги. И вскоре императору удалось расплести все хитросплетения гнусного заговора, за которым, как оказалось, стояли не только мятежные джагирдары и шейхи, но и некоторые придворные вельможи. Акбар помиловал своего родственника и даже позволил ему дальше править Кабулом. Но спустя несколько лет пьянство окончательно доконало Хакима, и он, как выразился мудрейший Абу-л Фазл, «простучал в барабан смерти».

По возвращении в столицу иезуиты наконец-то начали понимать всю безнадежность своих планов. Да, Акбар с удовольствием слушал католические мессы и мог пылко поцеловать Библию. Он отстроил в Фатехпур-Сикри великолепную часовню, но во время церемонии её освящения совершил странный ритуал. Сначала падишах торжественно осенил себя крестом перед распятием, а затем, к ужасу португальцев, не менее торжественно совершил руку, произнеся «Аллах Акбар», и, наконец, сложил ладони в индуистской молитве. На глазах у ошеломлённых иезуитов император воздавал почести своему единому Богу всеми известными способами. После этого странного обряда они навсегда прекратили попытки крестить Великого Могола и оставили религиозную закваску в Индии такой, как она есть.

И всё же, кто из португальского посольства являлся нужной мне личностью? Непосредственно посол был явно не тем, кто нужен, ибо пробыл при дворе Акбара совсем недолго, да так и не сблизился с падишахом по-настоящему. Фигура переводчика Франсиско сразу же выбывала из игры, поскольку тот был не то персом, не то армянином, совсем недавно принявшим христианство. Оставались братья-иезуиты.

Первый – Рудольф Аквавива – принадлежал к семье неаполитанских аристократов. Его дядя был генералом Общества Иисуса и, пожалуй, одним из самых влиятельных людей в истории ордена. Во многом благодаря ему христианство широко продвигалось в Индии. Однако личность самого Рудольфа отпечаталась в истории довольно скромно – кроме его попытки крестить Акбара, было мало что известно.

Зато Антони де Монсеррат оказался человеком поистине выдающимся. Родом он был из испанских дворян и получил блестящее образование в европейских университетах. В двадцать с небольшим лет молодой человек вступил в общество иезуитов и страстно отдался служению Господу, в первую очередь на ниве миссионерской деятельности. Он обладал столь сильной верой, что мог, как предписывал кодекс ордена, отправиться в плавание на доске, если нет подходящего судна. К счастью, корабли для него обычно находились. Он много странствовал и почти всегда покорял собеседников своим умом и пылкой верой в Христа. Ему довелось поработать дипломатом и даже учителем при царственных особах Португалии.

Всю свою жизнь этот человек посвятил столь неудержимой вере в Иисуса, что его мученическая смерть напрашивалась как бы сама собой. Так вскоре и произошло. По приказу испанского короля Антони тайно отправился в Эфиопию, дабы подготовить там почву для внедрения католицизма. Под видом армянского купца монах отплыл из Гоа, однако (не без помощи капитана судна) был разоблачён и выдан султану Хадрамаута. Долгие годы иезуит гнил в тюрьмах, затем был отправлен на галеры, а когда силы окончательно покинули гребца, его вновь бросили в темницу. Буквально перед самой смертью Антони выкупили соотечественники, заплатив тысячу дукатов, но всё же он скончался от продолжительной болезни, едва успев достичь португальских владений в восточных морях.

Я всё больше склонялся к мысли, что этот самоотверженный миссионер и есть нужная мне личность. Сомнения мои окончательно развеялись после того, как я детально изучил записи Монсеррата (как выяснилось, после пребывания при императоре Акбаре Антони

вернулся в Гоа и более пяти лет корпел над своими дневниками, стараясь сложить их в единый литературный труд). В своих записках он вскользь упоминал о некоем недуге, случившемся с ним в Индии, и о благополучном излечении с помощью местных лекарей. Знал бы он, что за странную диагностику проповедовал тибетский Друк и насколько ценным был секрет его снадобья! Сколько властителей мира сего отдали бы половину состояния, лишь бы обладать тайной приготовления «напитка правды»! И только дальновидный Могол оказался выше всех соблазнов и похоронил этот рецепт.

Ну, и что, собственно говоря, давало мне это открытие, помимо удовлетворённого любопытства? Я по-прежнему не знал способа наладить отношения с вами, дорогой аббат. Наши воплощения проходили недалеко друг от друга, но, подобно параллельным линиям, так и не пересекались. Устав безрезультатно ломать голову, я принялся исследовать другие следы вашей личности.

Все подсказки, услышанные от Акбара, были настолько зыбкими, что не давали мне ни одной зацепки. Русский князь, франкский рыцарь, помощник алхимика, настоятель... Ни дат, ни имён. Мне бы потребовалось перелопатить половину мировой истории, и наверняка истина бы ближе не стала. Наконец я решил проверить один из материальных следов вашего воплощения, а именно – некий мазар в Хорезме.

Облачившись в одежды паломника, я отправился на родину Аль-Бируни. Я надеялся, что в таком виде мне удастся вжиться в роль бродяги-дервиша. Возможно, если я проникнусь теми же мыслями, что были в голове у вас, то у меня каким-то образом получится найти и ваш маршрут. Что, если благие помыслы поведут меня по тем же самым дорогам, где когда-то скитались вы, заставят сидеть на тех же камнях, на которых отдыхали вы, и прятаться от солнца в тени тех же деревьев? Ну и в конце концов, путешествовать в наряде паломника было более безопасно. Я собирался обойти все мазары в этих местах, а кому ещё это делать, с точки зрения местного жителя, как не паломнику?

С двумя серебряными монетами и полупустой флягой из тыквы я начал скитаться по пыльным дорогам Хорезма и довольно быстро осознал всю тщетность поисков. История этих мест оказалась просто перенасыщена духовными подвигами, а концентрация святилищ была столь велика, что обойти их все не удалось бы даже за целую жизнь. Уже в самом начале пути я насчитал с десятков мазаров. Строения возвышались на разном расстоянии от дороги, то слева, то справа. Их светлые купола и манящие тёмные порталы уже бог знает сколько лет безмолвно смотрели на уставших путников. Иногда они, как миражи, появлялись в самых неожиданных местах. Проходя по тропинке среди скалистых уступов, я обнаружил в горной нише небольшой мазарчик, который будто бы в целях самозащиты сливался с окружающим пейзажем. Неизвестно как возник другой купол прямо посреди болота: подойти к такому – рискованная задача для одинокого путника. Большинство этих глинобитных строений были достаточно просты, но, проходя по узким улочкам Хивы и Куня-Ургенча, я наткнулся и на подлинные шедевры архитектуры.

Почти два месяца я, перебираясь из селения в селение, пытался побольше узнать о людях, чьи останки покоятся в этих сооружениях. Казалось, что особых поводов для возведения святилища под небом Хорезма не требовалось. Стоило только умереть какому-то более или менее порядочному человеку – ему тут же сооружали мазар и окружали почитанием. Как можно было отыскать что-то среди такого многообразия?

Основная часть биографии святых оказалась безнадежно погребённой под толстым слоем легенд и мифов. Невероятное количество фантазии затратили для создания столь колоритных персонажей. Святой Палван-ата помимо служения Аллаху занимался борьбой и нещадно громил своих соперников на соревнованиях. Правверный Джоумард был обычным мясником, а его отец по непонятным причинам пребывал в образе кабана. «Святой» отчего-то планировал убийство своего ученика, однако тот оказался более расторопным и первым отпра-

вил мясника в мир иной. Султан Ваис запечатлелся в народной памяти полуголым фанатиком, облачившимся в шкуры. Будучи весьма темпераментным человеком (если не сказать – сумасшедшим), он отчаянно ругался с Богом, требуя отдать на откуп души всех грешников. Некто по имени Юсуф охотно покидал свою могилу во время празднеств и с радостью присоединялся к народным гуляньям. Святой Кечирмас-бобо, напротив, был до того лютым, что однажды убил шумную компанию молодых людей, проезжавшую мимо его могилы на арбе. Ходжа Аваз при жизни весьма успешно охотился на джиннов, запрыгивая в пыльный смерч с обнажённой саблей в руках. Дервиш по имени Дивана-и-Бурх сорок лет простоял на одной ноге, требуя таким образом от Бога устранения ада как такового².

В общем, шансы разыскать в этих пёстрых образах крупницы истины были ничтожно малы. Чем больше я узнавал, тем дальше отодвигалась от меня личность таинственного святого. Воистину, чем шире становится круг наших знаний, тем больше площадь соприкосновения с неизвестностью.

3

Свои дальнейшие поиски я решил сосредоточить на другой подсказке – фигуре настоятеля, который постигал пифагорейское наследие в стенах христианского монастыря. О своих исследованиях еретических учений он, должно быть, не особо распространялся в миру. И правильно, в общем-то, делал, иначе упоминания о нём я бы наверняка нашёл уже в протоколах инквизиции. Моё воображение рисовало тёмную монашескую келью, заваленную редкими сочинениями гностического толка, а также книгами ранних христианских авторов, которые так или иначе разделяли идеи перевоплощения. Я отчётливо видел труды Плотина и Григория Нисского, Юстиниана Мученика и самого Блаженного Августина, оскотившего себя Оригена и святого Иеронима, что обычно изображался в компании льва. Наверное, читая эти книги, монах пытался разобраться в природе своих перемещений сквозь жизни.

Новая возможность встретиться с вами возникла совершенно неожиданно. Хельмут Райнхольд, долговязый студент Карлова университета, поведал мне историю про некоего аббата Морье – настоятеля бенедиктинского монастыря. Особый интерес аббат испытывал к трудам платоников и пифагорейцев. В поиске нужной литературы он неведомо откуда прибыл в Германию и встретился с самим Агриппой Неттесгеймским. Знаменитый философ не только радушно принял его, но и сделал своеобразный подарок – написал сопроводительную записку, по которой в книжной лавке Кёльна можно было приобрести редкую работу. Так аббат Морье обзавёлся сочинением «О египетских мистериях» Ямвлиха.

Долговязый Райнхольд похвастался передо мной и самой запиской, бог знает как оказавшейся в его руках. Почерк на бумаге был до того раскидистым и неаккуратным, словно Агриппу во время письма нещадно избивали плетьюми. Послание это содержало одну-единственную фразу: «*in reius, in melius*»³.

В Кёльне я появился в теле ландскнехта Альберта Кельзена. Беспощадно уничтожая швейцарцев и французов в течение трёх лет, Кельзен получал двойное жалованье от своих кондотьеров и обрастал славой, словно дерево мхом. Его двуручная сабля была до того острой, что трудно было разобрать, где кончается заточенное лезвие, а где начинается воздух. На своём высокорослом скакуне ландскнехт въехал в город и сразу удивился тому разнообразию, что

² Более подробное описание святых, которым построены мазары, см. в книге Г. П. Снесарева «Под небом Хорезма». Список используемых в романе источников приведён в конце книги.

³ Чем хуже, тем лучше (лат.).

творилось в нравственном облике горожан. Вполне благочестивые девицы с ужасом наблюдали за женщинами лёгкого поведения, уважаемые горожане и часть аристократии плевались в сторону наводнившего город отребья, а набожные католики отказывались вести дела с проклятыми протестантами. Приезжие крестьяне до того обнаглели, что бросали оскорбления вслед городским рейтерам.

Уже несколько лет прошло с тех пор, как Мартин Лютер прибил свои «95 тезисов» к дверям Замской церкви, а совсем недавно он публично сжёг буллу, отлучавшую его от церкви, и призвал немецкую армию к борьбе с папским засильем. Запах надвигающегося кровопролития уже витал в воздухе, всё больше перебивая сладкие ароматы булочных.

Проезжая через рыночную площадь, Альберт Кельзен наблюдал за разношерстной толпой. Торговцы неистово кричали, нахваливая свой товар, и чем хуже были предлагаемые изделия и продукты, тем более убедительными казались эти выкрики. Молоденькие красавицы с бледными лицами и пышными бюстами кокетливо поглядывали на проезжающего ландскнехта. Какой-то бродяга извергал изо рта пламя, а затем непонятным образом всасывал его обратно. Один из нищих – старик с длинными, как змеи, прядями волос и воспалёнными глазами – настойчиво предлагал рукописную копию трактата Коперника. Кельзен отказался.

– Как человеку просвещённому, вам лучше оставить этот труд у себя, – сказал он нищему. – Да берегите его, уважаемый, чтоб какой-нибудь бродяга-оборванец не стащил столь редкую вещь!

Миновав шумную площадь, ландскнехт остановился отобедать в первом попавшемся заведении. От хозяина он услышал диковинную историю о местных монашках, которые после упразднения монастыря не стали разъезжаться, а организовали публичный дом и сами принялись обслуживать мужчин. Ещё раз подивившись местным нравам, Альберт Кельзен спросил, как проехать к книжной лавке рядом с университетом. Получив от хозяина расплывчатые пояснения, он продолжил путь.

Торговца книгами звали Томас. Это был согбенный старичок с идеально круглой бородой, что вкупе с пышной шевелюрой образовывала нечто вроде львиной гривы. Первым делом Томас заявил, что запрещённой литературой не торгует, даже за дополнительную плату. На последнем он сделал особенный упор. Кельзен выложил на стол две золотые монеты и попросил «хотя бы взглянуть» на осуждаемые церковью книги. Торговец, будто бы делая одолжение, сгрёб деньги и предложил «к просмотру» литературу, спрятанную от посторонних глаз в маленькой тайной комнате. Кельзен быстро оглядел корешки стоящих фолиантов, сразу же убедившись, что данные книги не представляют особого интереса. Он выложил на стол ещё две монеты, опустил ладонь на ручку сабли, а свободной рукой притянул старика прямо за бороду, прошепав в самое ухо: «In reius, in melius». Томас услужливо засуетился. В тайной комнате он отодвинул шкаф и предложил покупателю протиснуться в узкий проём. В этой «святой святых» Кельзен и обнаружил около сотни редких книг, в том числе и запылённое сочинение Ямвлиха.

– Я хочу приобрести эту, – заявил он торговцу, – но прежде мне понадобятся стол и письменные принадлежности.

Около часа ландскнехт был погружён в письмо. Он бесконечно окунал перо в чернила, пока, наконец, не вложил исписанный лист прямо в книгу.

– Теперь я хочу вернуть её на место, – пояснил он удивлённому книготорговцу. – Вы не должны продавать её никому, кроме французского священника, который однажды появится у вас с запиской Агриппы.

После этого Кельзен вновь положил ладонь на рукоять сабли и приблизился к старику вплотную.

– Если монах не получит свою книгу, или тебе вдруг вздумается покопаться в её содержимом, я снова появлюсь в этой лавке и тогда, клянусь цепями святого Петра, твоя голова сама будет красоваться на книжной полке!

Ландскнехт оставил на столе ещё две золотые монеты и велел торговцу с будущего покупателя денег не брать.

С некоторых пор я стал задумываться, что прошлое не является таким уж неизменным. Должно быть, есть какой-то способ привести все трансформации в действие, чтобы они оставили отпечаток на реальности. Возможно, имеется некий ритуал, который придаёт нашим путешествиям особую силу и оплодотворяет некоторые поступки. Мне он неизвестен, однако я начал подозревать, что вы владеете этой тайной. Может быть, вам удалось отыскать её в пифагорейском наследии?

Я сомневался в том, что моё послание дойдёт до вас, дорогой аббат, и уж тем более не мог предположить, в каком виде и когда появится ответ. Некую весть от вас я получил уже в своём нынешнем воплощении, когда однажды утром курьер доставил мне огромный конверт. Под жёлтой почтовой бумагой я обнаружил том «Графа Монте-Кристо» в прижизненном издании Александра Дюма. И больше ничего – ни письма, ни записки. Я пролистал роман и наткнулся на вложенный между страницами чистый лист. Что это могло значить? Не то ли, что вы отказываетесь идти на контакт и не желаете оставлять какую-либо информацию о себе, предпочитая оставаться закрытой книгой? Или передали, что вам совершенно нечего мне сказать? А может быть, некий обет связывает ваши уста молчанием? Так или иначе, останавливаться на этом я не собирался и продолжил поиски.

Направившись по обратному адресу, указанному на конверте, я оказался в Париже в нотариальной конторе Самуила Розенблата. Пожилой еврей рассказал мне, что книга была отправлена согласно завещанию некоего месье Деко, который скончался более полувека назад. Выяснилось также, что Деко был известным арабистом. Сорок с лишним лет он провёл в путешествиях по Ближнему Востоку и оставил после себя несколько монографий, к которым специалисты поначалу проявляли неподдельный интерес. Однако его последняя работа – «Реинкарнация в учениях сирийского суфизма» – вызвала немало споров в научной среде, а затем и вовсе перевела Деко в категорию псевдоисследователей и шарлатанов. Дело было в том, что в предисловии автор заявлял, будто бы получил основные материалы в состоянии транса от одного дервиша, который был не кем иным, как прошлым воплощением самого Деко!

Если научное сообщество поставило крест на исследовательской карьере арабиста, то для меня его скандальное заявление, напротив, представляло особую ценность. Изучив работы Деко и его немногочисленные интервью, я отыскал как минимум дюжину его прежних воплощений, и это значительно расширило поиски.

Я начал закладывать послания в тайных местах, подобно тому, как тибетский Падмасамбхава оставлял свои «термы» для будущих учеников, но, несмотря на все старания, ответа не получал. Вся моя настойчивость вами неизменно игнорировалась. Не зная, что предпринять далее, я, наконец, посетил парижское кладбище, где находилась могила Деко. Увиденная мной на мраморной плите эпитафия была более чем красноречивой: «Ne ras Deranger!»⁴. Не оставляло сомнений: написано это скорее для меня, нежели для эксгуматоров или потенциальных грабителей могил.

На несколько лет я прекратил поиски, занявшись в основном собиранием историй. Всё это время ошейник зависти продолжал сдавливать моё горло. Я не мог избавиться от мысли,

⁴ Не беспокоить! (франц.)

что вам по-прежнему известно гораздо больше меня. Вся ваша деятельность будто бы несла ореол благородной миссии, а поступки были наполнены тайным смыслом. Что, если вообще существует таинственный орден путешественников во времени, в который меня почему-то не принимают? Я носил на себе эти думы, словно вериги, но со временем начал мириться с их тяжестью. Ваша личность становилась всё менее реальной, почти превратившись в какой-то мифический персонаж, пока вы сами не дали о себе знать и не назначили точную дату нашей встречи.

Что же это за странное место, где наконец-то свела нас судьба? Можно подумать, будто я попал на египетские мистерии Изиды и, находясь в темноте пещеры, различаю сквозь занавеску лишь смутный силуэт богини, ибо её настоящий облик ослепляет и лишает разума всякое земное существо. Или, подобно ученикам Пифагора, я лишён возможности лицезреть учителя, довольствуясь только устными наставлениями? Всё это могло быть правдой, если не брать во внимание дату нашей встречи, а именно – середину двадцать первого века.

Почему сейчас мысли так спутались в моей голове, а тело будто налито чугуном? Отчего ноги мои и живот пропитаны кровью? Что бы ни произошло в этой комнате, я знаю: времени у нас осталось мало, а поэтому нужно сделать то, о чём мы договорились. Вы сможете собрать воедино последнюю мою историю, а затем мне придётся исполнить вашу просьбу.

Итак, я слушаю ваш рассказ.

4

В пригороде Пальма-де-Мальорки было такое место, где призраки христианских и мусульманских воинов продолжали сражаться друг с другом уже после того, как Хайме Завоеватель выиграл здесь решающую битву. Почти двадцать лет тени мёртвых бойцов каждую ночь выходили с оружием в руках и продолжали сражение. Торжествовали и ужасались, страдали, ликовали и умирали вновь, чтобы после следующего захода солнца опять вступить в бой. Никто не хотел уступать даже будучи мёртвым. Однако в мире живых христианская вера постепенно вытесняла последние следы мавританского владычества на этой земле. Арабская мечеть была давно разрушена, а на её развалинах начинал возводиться величественный кафедральный собор – будущая усыпальница мальорканских королей. Ещё один победитель, поставивший ногу на грудь павшему.

Молодой человек, сидевший в стороне под деревом, конечно, не видел происходивших здесь баталий, но уши его время от времени улавливали слабые отголоски сражения. Впрочем, внимание его было сосредоточено на другом – в ночной тишине он пытался различить лёгкую поступь женских ног. Девушка не приходила. Вот уже луна, что сквозь ветви деревьев наблюдала с пепельного неба, скривилась в презрительной ухмылке.

«Надменное светило, – подумал молодой человек, – твоё сияние не только не дарит тепла, так ещё и вселяет отчаянье!»

Хруст ветки. Он обернулся и увидел её – прекрасную и невесомую. Окружённая солёным запахом моря, девушка напоминала Афродиту, которая родилась из семени и крови оскопленного Урана, но стала воплощением самой женской красоты. Будто бы лёгкий ветерок бесшумно доставил её сюда, так же как и греческую богиню.

В лунном сиянии девушка приблизилась.

– Здравствуйте, сеньор, – тихо проговорила она. – Я назначила эту встречу для того, чтобы кое-что объяснить вам. Я тоже испытываю к вам сильные чувства.

Молодой человек опустился на колени, поддавшись неведомой силе, внезапно надавившей на плечи.

– Но почему...

Она прервала его одним неуловимым движением глаз.

– Да, я люблю вас, сеньор. Но мои чувства ничего не меняют. Я по-прежнему не могу быть с вами.

Он почувствовал, как эти слова буквально ранят его. Словно один из призраков сарацинского войска вдруг отклонился от своего потустороннего сражения и решил нанести сокрушительный удар уже живому христианину. Всё тело превратилось в сплошной порез – глубокий и жгучий. Он смотрел на неё снизу вверх и чувствовал приближение чего-то страшного и неотвратимого, как божья кара, – того, после чего можно смело ставить точку.

Девушка молчала, лишь платье едва слышно колыхалось на ветру красным шёлком. Что это за странное бесформенное одеяние? Такого она не надевала никогда.

– Но почему...

Её руки скрылись за спиной, ловко развязали что-то, и одежда, соскользнув с тела, опустилась к ногам. Девушка осталась полностью обнажённой. От движения лёгкой материи у него закружилась голова. Изгибы ткани будто целую вечность струились по телу, чуть задержались на бёдрах, и...

Молодой человек оцепенел от ужаса.

Всё тело богини покрывали отвратительные язвы. Они были настолько огромными, что, казалось, стремятся слиться друг с другом, захватить всё тело и превратиться в новую кожу – в праздничный наряд Сатаны. И крепкая девичья грудь, и живот, и ноги – всё было поражено чудовищной болезнью, лишь руки и лицо остались нетронутыми, по милости Бога. Либо же по страшной шутке злых сил.

– Вы добились того, чего желали, сеньор, – тихо сказала она. – Вот она – та красота, что вы воспеваете в своих стихах. Насладитесь ей в первый и последний раз. И, пожалуйста, больше никогда не ищите меня.

С этими словами девушка подняла с земли одежду и скрылась в темноте так же бесшумно, как и появилась. Но прежде, чем исчезнуть, она слегка прикоснулась рукой к его лицу. Жест настолько неуловимый, что его можно было легко принять за слабое дуновение ветра.

– Но почему...

Эти слова уже были обращены к ночи, а может быть, к самой судьбе, которая проверила его на зуб, как золотую монету. В один миг он поднялся до небес и тут же сорвался, вдребезги разбившись о камни. Жизнь кончилась. Монета оказалась фальшивой, и быть ей отныне лишь детской игрушкой.

Молодой человек смотрел в окружающую темноту и не мог поверить, что всё случилось так быстро. Ему, как сидящему на паперти, вручили бесценные сокровища и тут же безжалостно отобрали. Проклятый порез через тело болел всё сильнее и сильнее. Луна по-прежнему таранилась откуда-то сверху, но теперь презрительную ухмылку на её лице сменила гримаса сочувствия. Не в силах больше выносить её присутствия, он поднялся на ноги и, не разбирая дороги, пошёл прочь от развалин мечети. Некоторое время луна летела следом, но на узких улочках города стала отставать и вскоре скрылась за очередным поворотом.

Придя домой, он велел слугам не беспокоить его и заперся в комнате. Необходимо было всё обдумать и, возможно, найти какой-нибудь выход. Для этого он просто свалился на пол и, уткнувшись лицом в ковёр, стал вспоминать, как познакомился с ней.

В тот день он ехал верхом по городу, приподняв подбородок так, что полуденное солнце щекотало его гладкие щёки. Он был красив и молод. И сказочно богат. Правда, репутация известного развратника и вольнодумца окружала его, но не это ли самое привлекательное для нынешних женщин?

Она шла по улице навстречу. Чем ближе девушка подходила, тем медленнее двигался он, пока совсем не остановился, будучи не в силах оторвать глаз от её смуглой кожи и вьющихся чёрных волос. А когда девушка бросила в его сторону мимолётный взгляд, молодой

человек, околдованный оливкового цвета глазами, немедленно повернул коня и решительно двинулся за нею.

– Сеньора, ради бога, скажите: кто вы?

– Это совершенно не важно, – ответила красавица, не сбавляя шаг, – достаточно того, что я знаю, кто вы!

– О, перестаньте! Все эти слухи обо мне далеки от истины, – он чуть наклонился в её сторону и тихо добавил: – я буду следовать за вами, пока не узнаю имя.

– Этого не потребуется, сеньор, ведь я уже пришла.

И девушка скрылась в дверях ближайшего здания. Не раздумывая, он пригнул голову и въехал вслед за ней. Увидев всадника внутри, она немного растерялась.

– Ваша красота поражает, – продолжал молодой человек, – и поражает она прежде всего сердце.

– Нет ничего более обманчивого, нежели красота. Поверьте мне, сеньор.

– Охотно верю! Но я не из тех людей, которые замечают лишь внешнюю оболочку. Вижу, в душе вы такое же чистое и доброе создание, каким и кажетесь. Поймите, что это у вас в руках? Ведь это Библия! Значит, я не ошибся.

– Конечно же, это Библия, сеньор. Ведь мы с вами в церкви, а вы, смею заметить, въехали сюда на коне!

Молодой человек наконец отвёл глаза. Они и вправду находились в храме. Видя его замешательство, девушка слегка засмеялась, но быстро взяла себя в руки, поскольку разгневанный священник уже спешил к ним.

– Разве так можно, сеньор? Даже ваше положение не позволяет вам осквернять храм! Немедленно уйдите!

– Простите, святой отец. Я скроюсь, но только после того, как узнаю имя этой прекрасной особы.

Священник строго посмотрел на красавицу с Библией в руках. Девушка молчала, застенчиво опустив глаза, будто бы происходящее её совершенно не касалось. Называть своё имя она, судя по всему, тоже не собиралась.

– Будьте добры, сеньора, представьтесь этому наглецу, – сдержанно попросил священник.

Молодая прихожанка не ответила, лишь опустила голову и сердито раздула ноздри, как строптивая жеребица. Сложившаяся скандальная ситуация явно затягивалась.

– Это донна Амброзия де Каstellо, – неожиданно сказал священник. – А теперь покиньте храм.

Молодой человек спешился, взял коня под уздцы и вышел наружу.

Его возлюбленная оказалась замужней дамой, что, в общем-то, совсем не охладило его пыл. Им овладела столь безудержная страсть, что все правила приличия отошли на второй план. Часами он стоял под окнами, ожидая появления Амброзии. Во время её утренних прогулок по парку он появлялся в тени деревьев и, как верный пёс, тащился следом, стараясь ступить туда, где земли только что коснулась её нога. Ежедневно он присутствовал в церкви и упоённо молился рядом с ней. Ночами же воздыхатель слагал в её честь стихи – самые прекрасные из тех, что когда-либо выходили из-под его пера. Он превратился в ангела-хранителя, который без устали опекает обожаемое существо. Но девушка, казалось, видела в нём лишь назойливую муху и на все яркие проявления чувств отвечала ледяным молчанием. За два месяца безответных ухаживаний молодой человек до ужаса похудел, и даже его рост – так выглядело со стороны – начал уменьшаться. Он усыхал на глазах; ещё немного – и он превратится в крошечного гомункула, а затем от него и вовсе ничего не останется. Но всё изменилось в этот день, когда она назначила ему встречу, незаметно сунув в руки записку.

И вот этот день – день, которого он дожидался целую вечность, а его окончания и того дольше, – закончился полным крахом. Сейчас он лежал на полу совершенно разбитый, не пред-

ставляя, как дальше существовать в этом мире – мире, в котором за мимолётное счастье приходится платить сокрушительным падением и вечными муками.

Откуда-то раздался непонятный шум. Молодой человек поднялся на ноги и посмотрел в окно. Внезапно он понял: что-то произошло. Это случилось не в комнате и не за окном. Невидимый рычаг щёлкнул где-то глубоко внутри него, в самом сердце. И всё изменилось.

Как он мог так расстроиться? Ведь она сказала, что любит его! Неужели какая-то болезнь может встать между ними? Даже сама смерть не имела права влезать в это дело и лишать его того, чего он так настойчиво добивался. И это прикосновение... Лёгкое касание изящной руки. Он понял, что впервые она дотронулась до него сама. Конечно, если не считать дюжины обжигающих пощёчин.

Странный звук повторился. На этот раз молодой человек точно расслышал его. Какое-то резкое шуршание раздалось в сумраке комнаты, прямо у него за спиной. На мгновение он замер, схватившись за кинжал, затем отпустил оружие и повернулся, готовый ко всему. Если это она – он просто раздавит её в своих объятиях. Если это её муж – он уничтожит его или сам падёт от его руки. Если же эта сама смерть – он с усмешкой посмотрит ей в глаза и бросит вызов.

В комнате никого не оказалось. Лишь еле слышно потрескивали угли в камине. Похоже, что странный звук исходил именно оттуда. Он подошёл ближе к камину и вдруг заметил какой-то сгусток, принятый им сначала за язык пламени. Светящийся шар висел над углями и совершал непонятные движения. Он переворачивался, извивался и трепетал, как пойманная рыба. Откуда-то изнутри вырывались пузыри, от которых сгусток выворачивался наизнанку.

Молодой человек опустился перед камином на колени, пытаясь получше разглядеть все эти процессы. Словно реагируя на его приближение, светящийся шар снова издал шуршащий звук, и из его сердцевины стало появляться нечто. Оно было похоже на живое существо, которое рождается и развивается прямо на глазах. В извивающихся пузырях начали появляться голова и светящиеся пламенем конечности. Сгусток издал очередной звук и неожиданно превратился в маленького саламандра. Его лапы ступали прямо по углям, огненные глазки пристально смотрели снизу вверх.

– Вижу, что душа твоя изранена, – шипящим голосом обратился саламандр к человеку, – и я могу помочь тебе освободиться от этих страданий. В моём теле заключено то, что вы, люди, зовёте «философским камнем». Но только по-настоящему мудрый сможет извлечь это из меня. Хочешь ли ты получить такую помощь?

Молодой человек смотрел в пылающие глазки и почувствовал, как болезненный порез через всё тело перестал болеть.

– Я могу принять помощь даже от самого Вельзевула, – сказал он саламандру, – но сладость исцеления моей души зависит от исцеления чужого тела.

Огненная голова понимающе кивнула.

– На это может уйти вся твоя жизнь.

– Тогда я готов.

Он приблизился к камину и протянул руки прямо в огонь.

Амброзия Де Кастелло всё-таки любила его.

Книга 2-я Doctor Illuminatus

1

Короли всегда находят повод для грусти. Даже в самые благоприятные времена. В жизни Эдуарда Второго таких поводов было предостаточно, да и времена благополучными назвать можно было разве что с оговоркой.

Одной из причин меланхолии была неудачная военная кампания в Шотландии. Английская армия, способная без особого труда снискать любую воинскую славу, оказалась наголову разбитой противником, в несколько раз уступавшим ей по численности. И вот уже Роберт Брюс осмеливался открыто заявлять о независимости страны и понемногу напирал на границы Англии, учиня грабительские разгромы. Само слово «Шотландия» стало ненавистно слуху Эдуарда, превратившись для него в синоним слова «позор».

Вторым поводом был голод, который уверенной поступью прогулялся по стране после череды неурожаев, вызванных повышенной влажностью. Крестьяне без устали молились на солнечную погоду, но святые, разгоняющие тучи, на помощь не приходили, а дожди всё продолжали и продолжали лить. Казалось, что всё в королевстве – от деревьев до каменных стен замков – пропиталось губительной влагой, и даже души людей начали понемногу подгнивать.

Последнее в большей степени касалось проклятых баронов. Подданные Эдуарда плели коварные заговоры и в злобе своей заходили далеко. Один из них – Томас Ланкастер, – по слухам, уже лелеял скорейшую расправу над королём и за кубком вина обсуждал с приближёнными варианты казни. Банальное повешение и четвертование ими были сразу отброшены, а на первый план выходили более изощрённые методы убийства, в основном связанные с нижней частью туловища монарха.

Другой подданный, а именно граф Уорик, был более сдержан в проявлении ненависти, зато изобретательности ему было явно не занимать. Он запускал в народ нелепые вымыслы, в которых Эдуард выставлялся то переодетой женщиной с приклеенной бородой, то самим «помазанником Сатаны», присланным для того, чтобы окончательно разрушить моральные устои добрых христиан, посеять разврат и хаос. Народ охотно подхватывал эти истории, и небывалые обростали новыми, ещё более нелепыми подробностями. Апогеем насмешек стала картина, появившаяся на стене одной харчевни в Бирмингеме. На полотне изображался сам Эдуард с фамильным гербом Плантагенетов в руках. Сзади к королю вплотную прижался фаворит Гавестон, поднимающий гасконское знамя. А венчал эту немую сцену сам Ричард Львиное Сердце, который парил сверху, будто архангел, и угрожающе примерялся обнажённым мечом – видимо, намереваясь отсечь две грешные головы одним ударом. Поскольку автора этого шедевра найти не удалось, Эдуард решил проучить хозяина харчевни, приказав протаскать того вокруг города вслед за лошадью. Во время этой «поездки» бедняга начал распадаться на куски, и обратно прибыла лишь одна волочающаяся на верёвке нога.

В общем, враги в стране множились как крысы, и признаки войны появлялись всё чаще – они просачивались, как привидения сквозь стены, в самых неожиданных местах. Из-за этого Эдуарду всё меньше времени удавалось проводить в своей сельской резиденции, где он привык коротать дни в простых развлечениях – купании и рыбной ловле, к которым привык с детства.

В довершение ко всему королева пришла в покои не вовремя.

Эдуард свернул записку, которую намеревался прочесть, и спрятал бумагу в руке.

– Я пришла так поздно, ваше величество, чтобы пожаловаться на своё самочувствие, – объяснила Изабелла.

Король поднялся с кресла и напустил на себя величественный вид. Он всегда считал, что выглядит недостаточно мужественно в моменты душевного беспокойства, а сейчас, без сомнения, был именно такой момент.

– Ужасные мигрени мучают меня, – продолжила королева, – должно быть, это последствия тяжёлых родов.

Эдуард взглянул на супругу. Незнающему человеку вряд ли бы удалось определить её настоящий возраст. Она одновременно выглядела умудрённой опытом женщиной и по-детски невинной красавицей. Тело – сильное и гибкое, как у хищника, полное благородной грации – было готово в любой момент совершить молниеносный прыжок и вцепиться в горло. Нет, скорее дерево будет страдать от мигрени, чем эта женщина!

– Вы бы хоть потрудились напустить на себя болезненный вид, сударыня, – сказал король. – И что же вы хотите?

– Стены Тауэра не лучшим образом действуют на меня. Я пришла просить вашего позволения покинуть столицу на некоторое время.

– Вот оно что!

Эдуард беспокойно зашагал по комнате, делая вид, что усиленно размышляет. Затем он остановился напротив королевы и долго смотрел на неё, поглаживая светлую бороду.

– А когда-то вы, мадам, сетовали на то, что двор слишком часто переезжает. Почему, собственно говоря... Ах, да – мигрень. И куда вы желаете отъехать?

– Я могла бы некоторое время пожить в Виндзоре или в любом другом замке, который вы мне вроде бы подарили, но я там практически не бываю.

Король повернулся к супруге спиной.

– Сударыня, я вынужден отказать в вашей просьбе. И знаете почему?

Он резко повернулся обратно и принялся драматически тянуть время. Королева молча смотрела на него в ожидании ответа. Её взгляд не выражал абсолютно ничего, даже обычного презрения.

– Из соображений безопасности.

Наконец-то Изабелла стала проявлять первые признаки гнева. Она испепелила монарха презрительным взглядом и подошла чуть ближе, словно воспитательница, готовая отчитать нашкодившего ребёнка.

– Вам, ваше величество, постоянно мерещатся заговоры! Даже самого порядочного человека вы готовы превратить в предателя, но не понимаете того, что любой заговор, даже самый ничтожный, творится группой людей. Как я могу навредить вам, если совершенно лишена общества друзей? Ни одной родственной души не было подле меня со дня нашего венчания! Кругом одни надсмотрщики и шпионы!

Эдуард загадочно улыбнулся. Видимо, он добился того, чего хотел.

– Вы как всегда неправильно поняли меня, сударыня. Когда я говорю о безопасности, то имею в виду безопасность не себя лично, а всей королевской семьи. Вы разве не знаете, какое настроение царит нынче в народе? А проклятые бароны! Да они нарочно раздувают этот пожар, чтобы свершились их подлые планы. Монархия не была под такой угрозой со времён Генриха Третьего. Как я могу гарантировать вашу безопасность и безопасность наследника? Ведь вы же намерены взять его с собой?

– Если кому-то из королевской семьи и угрожает народный гнев, так это вам, ваше величество. А ещё, я думаю, они бы с превеликим удовольствием повесили Хьюго Диспенсера!

– Какие, однако, злые речи вы говорите, сударыня! – сказал Эдуард, расплываясь в довольной улыбке. Он крепче сжал в руке непрочитанную записку, которая как раз была от его любимого фаворита. – Скажите: что с того, что в трудный для страны период я окружаюсь надёжными людьми? Милый граф всегда готов оказать мне, так сказать, дружеское участие. И не только в государственных, но и в личных делах.

– Особенно в личных!

Эдуард откровенно расхохотался. Изабелла уже едва сдерживала себя. Её речь всё ещё казалась беспристрастной, но внутри – это было видно – полыхал настоящий пожар. Приходя в покои короля, она заранее была готова к отказу на свою просьбу, поэтому особо и не расстроилась, однако упоминания об интимных связях супруга всегда разжигали в ней ярость. Нет, она не ревновала Эдуарда, поскольку презирала его с момента первого знакомства, но то, как король выставлял свои пороки напоказ, пробуждало в ней разъярённую женскую натуру. Какой позор для монаршей семьи! Иногда казалось, что она единственная при дворе, кто понимает это.

Изабелла повернулась было к выходу, но, чувствуя спиной улыбку, остановилась.

– Вы говорите, что окружаете себя нужными людьми, но от многих этих «нужных людей» ваш покойный отец старательно очищал страну. Вы же привлекаете этот мусор назад и удивляетесь после этого, почему народ и бароны вас не любят.

– Только не делайте вид, сударыня, что вас как-то волнуют интересы государства!

– Самое страшное – что и вас они совершенно не заботят!

– Вот это напрасно, сударыня, – оправдался король, – буквально сегодня я имел беседу с лордом-казначеем о наших финансовых проблемах.

– И что же вы решили? – поинтересовалась Изабелла. – Хотя можете не отвечать – я догадываюсь. Вы увеличили не только налоги, но и пошлины в портах. Поздравляю, ваше величество, теперь вас не любят не только в Англии, но и за её пределами!

Довольное выражение вмиг исчезло с лица Эдуарда. Однако он быстро взял себя в руки и по-прежнему язвительным тоном продолжил:

– По поводу внешней политики можете не беспокоиться. Пока есть вы, я всегда могу надавить на вашего брата – короля Франции.

Изабелла резко повернулась и на сей раз решительно двинулась к выходу.

– Вы останетесь здесь, в Тауэре, сударыня, рядом со своим законным супругом до тех пор, пока отсюда не уедет двор, – крикнул ей вслед Эдуард и засмеялся.

После ухода королевы он почувствовал себя совсем разбитым. Странное дело: он полностью подчинил Изабеллу своей власти, он унижал её публично и наедине, но всякий раз, одерживая верх, ощущал в душе ядовитый осадок. Это печалило его больше всего.

На следующее утро король отдыхал после завтрака, расположившись в глубоком кресле. Его нога, вальяжно перекинута через обитый красным бархатом подлокотник, совершала плавные покачивания в такт неслышимой мелодии.

– Давно хотел спросить вас, граф: как долго вы намерены передавать мне эти записки?

– Вам не нравится, ваше величество?

Хьюго Диспенсер граф Глостер сидел в двух шагах от короля на низком пуфике и задумчиво смотрел в окно, за которым во дворе Тауэра королевская охрана совершала свои повседневные тренировки. Лучники выстроились в ряд, натянули тетивы и по команде сержанта выпустили стрелы. Почти все выстрелы оказались на редкость удачными.

– Не то, чтоб не нравилось, – ответил король, – просто это несколько глупо выглядит со стороны.

– Как раз поэтому, ваше величество, я всегда старался передать свои послания лично, с глазу на глаз.

– К чёрту ваши старания! – грубо заявил Эдуард. – Вся страна знает про нашу дружбу. Я не вижу повода скрывать это какой-то загадочной перепиской.

– Простите мне эту слабость, государь! Мои поступки во многом продиктованы чувствами. К тому же это – дополнительный повод искать вашей личной аудиенции.

Хьюго Диспенсер поднялся на ноги и плавными шагами приблизился к креслу короля. Он возложил руки на высокую спинку и наклонился ближе.

– Ваше величество, неужели вы настолько лишены романтики? Никогда в это не поверю!

– Знаете что, граф? Не слишком-то увлекайтесь вашей секретной перепиской! Мы с вами не тамплиеры.

Король убрал ногу с подлокотника и поставил на пол. Он несколько преувеличил свой гнев. Записки Хьюго Диспенсера его особо не возмущали, скорее наоборот. Порой он даже с нетерпением ждал очередного послания от фаворита, чтобы, уединившись, насладиться нежными словами. Наиболее удачные из таких записок король перечитывал неоднократно, каждый раз воображая себя неким посторонним человеком. Иногда он представлял себя молодым солдатом, читающим любовное послание от невесты, иногда – невестой, читающей послание солдата. Как-то раз он вообразил себя самым папой, нашедшим записку в Библии прямо во время мессы.

Надо заметить, что Диспенсер прекрасно понимал истинное раздражение короля, но, как по-настоящему гибкий придворный, виду не подавал.

– Вы слишком озабочены государственными делами, – сказал он. – Между тем многие проблемы имеют простое решение. Всё, что требуется, – так это немного воображения.

– Вот как! Тогда вообразите, милый Хьюго, чтобы Англия вновь стала сильной, крепкой и богатой державой!

Граф заметно оживился. С загадочной улыбкой он стал расхаживать по комнате, то и дело интригуя поглядывая в сторону короля. Эдуард непонимающе следил за ним, нахмутив брови.

– Почему бы вашему величеству не воспользоваться услугами алхимика?

– Алхимика? Вы либо шутите, граф, либо сверх меры увлеклись вашим тамплиерством, – удивился король. – Что вы мне предлагаете? Вырастить в пробирках армию гомункулов? Считаете, они не побегут с поля боя, как мои воины?

– Ваша армия в полном порядке, – граф остановился около окна. – Взгляните, как стреляют ваши лучники. Право, не зря ими восхищается вся Европа!

– Глупости! Вся Европа восхищается шотландскими пастухами, а над моими лучниками просто смеются!

– Наша армия испытывает недостаток средств, не более, а храбрости и умения английским воинам по-прежнему не занимать. Кстати, именно о финансах я и пытался заговорить с вами, ваше величество.

Эдуард вопросительно покосился на фаворита. Хьюго Диспенсер отчасти был прав: именно с финансами в армии дело обстояло плачевно. С деньгами же были связаны и другие неприятности. Король вспомнил тот день, когда бароны с оружием в руках ворвались в палату совета и предъявили очередное обвинение. Они заявили, что монарх потратил средства, собранные по решению парламента, на шотландскую войну. И сделал он это, разумеется, по наущению своих нечистоплотных советников, что, в общем-то, было недалеко от истины. Дело закончилось крайне плохо: вассалы пригрозили отказом от клятвы верности своему сюзеру на том основании, что он сам не держит клятву, данную при коронации. В итоге Эдуард вынужден был дать согласие на временную передачу власти этим магнатам, дабы они «вершили реформы, укрепляющие королевство и королевский двор в соответствии с правом и здравым смыслом». И вот сейчас фаворит готов был дать очередной совет на денежную тему.

Диспенсер выдержал многозначительную паузу и продолжил:

– Говоря про услуги алхимика, я имел в виду, конечно, не гомункулов, не астрологические вычисления и даже не секрет вечной молодости – ваше величество и так выглядит юношески свежо. Золото – вот единственное, чем могут нам помочь знания магистров. Золото,

не добытое из рудников и не отнятое у врага, а полученное из дешёвого сырья алхимическим способом.

Король некоторое время смотрел прямо на графа, пытаясь понять, не шутит ли тот, и к своему ужасу понимал, что Хьюго Диспенсер говорит более чем серьёзно.

– Насколько я помню, милый граф, – произнёс он, наконец, – один французский монарх пытался проделывать подобные фокусы, и все мы знаем, что из этого вышло. Загадочная писанина, не более.

– Во-первых, ваше величество, не нужно прибегать к услугам шарлатанов, которых в каждой столице больше, чем блох на собаке. Здесь необходим достойный учёный – тот, который не кичится своими знаниями на каждом углу.

– А во-вторых?

– А во-вторых, к такому исключительному человеку требуется исключительный подход. Это как раз и являлось главной ошибкой в истории с французским алхимиком. Нужно было всячески поддерживать его работы в Парижском университете, вместо того чтобы передавать в руки папы и заключать в тюрьму на десятки лет!

– И кто же тот человек, о котором вы изволили говорить?

– Раймонд Луллий – известнейший в Европе учёный и неординарная личность. Мой отец, граф Уинчестерский, состоит в многолетней дружбе с аббатом Верне, который и описал в своих письмах знакомство с этим удивительным человеком. Аббат собственными глазами видел, как при помощи алхимических трансмутаций Луллий сумел получить чистейшее золото! Говорят, он постиг тайну философского камня.

Король смерил графа подозрительным взглядом. Впрочем, сомнений у него в душе становилось всё меньше. Единственное, чего он по-настоящему боялся, – так это выглядеть глупым и наивным, поэтому, как обычно в такие моменты, он поднялся с кресла и стал расхаживать по комнате, поглаживая бороду.

– И вы, собственно говоря, собираетесь пригласить его к нам?

Хьюго Диспенсер улыбнулся:

– Я уже понадеялся на вашу прозорливость и имел смелость пригласить Луллия в Лондон. В это время они с аббатом Верне уже в пути.

– Они уже едут?!

– Да, ваше величество. Если быть более точным, они получили приглашение от моего отца.

– Хм... Ну что ж, я с удовольствием пообщаюсь с ним. А каким именно способом привлечь этого Луллия на нашу сторону? Сделайте одолжение, граф: соберите про этого алхимика сведения – и мы подумаем, с какой стороны к этому коню лучше подступиться.

В ответ на это граф улыбнулся ещё шире и сделал два шага вперёд, словно демонстрируя монарху все прелести своего наряда.

– Сведений, которые я собрал, более чем достаточно. Присядьте, государь, и я подробно расскажу о нашем учёном.

Повиновавшись, король опустился в кресло. В который раз он как мальчишка попал под обаяние своего фаворита. Немало упреков приходилось выслушать Эдуарду о тлетворном влиянии советника, но, вопреки всем советам, он часто шёл на поводу у графа и «бегал за ним, как игривый котёнок за соломинкой». Хьюго Диспенсер тем временем расправил плечи, задрал повыше подбородок и, приняв вид авторитетного лектора, выступающего с кафедры Оксфордского университета, продолжил.

– Личность Раймонда Луллия окутана многими легендами, – с некоторым пафосом начал он. – Нам известно, что этот человек родился в знатной каталонской семье. В юности он служил стольником при дворе Хайме Завоевателя, после был сенешалем и наставлял на путь истинный наследника престола. На родине Луллий прослыл талантливым поэтом и ещё более талантли-

вым ловеласом. Говорят, что в возрасте около тридцати лет он сочинял очередное любовное послание и, когда с головой углубился в мир поэзии, с ним случился некий катарсис – ему было дано видение распятого Христа, который призвал молодого человека к себе. Так это или нет, но его жизненные планы круто изменились. Луллий оставил светское общество и королевский двор, бросил семью и с тех пор занимался двумя вещами – наукой и миссионерской деятельностью. Надо заметить, что в обоих занятиях он неслыханно преуспел – его в равной степени почитают как в университетах, так и в храмах. Даже сам папа покровительствует ему!

– Его приглашали в Сорбонну?

– Трижды, ваше величество!

– Любопытно! А как они познакомились с аббатом?

– Как я уже успел заметить, Луллий необычайно религиозный человек, хотя и не принял монашество. Он выступал с инициативой объединения францисканцев и доминиканцев в единый миссионерский орден и искал поддержку везде, где только можно, в том числе и у аббата.

– И что же?

– Как вы знаете, францисканцы и доминиканцы предпочитают нести свой крест порознь. Кстати, и сам Луллий продолжил миссионерство в одиночку. Он много раз посещал Святую землю, беря у мусульман их знания, а взамен предлагая веру Христову.

– Знаете что, граф, – король вскочил со своего места, – сдаётся мне, что это и есть главная слабость нашего алхимика.

– Вы хотите сыграть на его религиозных чувствах? – спросил Хьюго Диспенсер, улыбаясь. Как раз на такое королевское решение он и рассчитывал.

– Именно! – воскликнул Эдуард. – А сейчас давайте вашу записку и уходите. Я должен всё тщательно обдумать.

Поклонившись, граф протянул монарху сложенный вдвое белоснежный лист. И удалился.

2

Сержанта королевского гарнизона Джона Кроулера никогда не интересовали развязки и финалы. Даже в детстве, слушая библейские сюжеты и увлекательные истории про короля Артура, он начинал откровенно скучать, когда повествование доходило до середины. Начало – вот то, что по-настоящему волновало его как в сказке, так и в жизни. Окрылённый восторгом, он брался за новое дело, предавался очередному увлечению, но энтузиазм быстро проходил. Конечно, Кроулер продолжал выполнять начатое и даже доводил его до конца, но мысли при этом уже искрились ожиданием чего-то нового. Сам сержант нашёл этому следующее объяснение: происходит так не от недостатка характера, просто ещё ни разу в жизни он не столкнулся с тем по-настоящему важным делом, которым можно заниматься постоянно, не теряя вдохновения. Стоило ли ему искать это загадочное «по-настоящему важное» или оно само должно явиться в его жизнь, внезапно, как божественное откровение? Кроулер был убеждён, что стоило. Он внимательно присматривался к каждому изменению в своей жизни, пробовал его на вкус, как блюдо... и тут же отодвигал это блюдо в сторону, как нечто неудобоваримое.

Даже люди ему попадались на удивление неглубокие. Первое знакомство казалось заманчивым, но уже довольно скоро вся заурядность человека становилась очевидной, и общение делалось откровенно скучным. Джон начал подозревать, что сам Господь испытывает его настойчивость. Будто светлый ангел неожиданно появляется то тут, то там – в новой женщине, очередном увлечении или на новой службе – и так же быстро исчезает, чтоб возникнуть уже в другом месте. Может, в этом и заключался особый промысел?

Одним из действительно достойных людей в жизни Кроулера был сэр Уильям. Этот рыцарь имел совершенно необыкновенный рост, а его голова, не желая отставать от туловища,

вытянулась до чудовищных размеров. Руки были настолько длинными и мощными, что сме-тали в сражении всё на своём пути. Гигантская фигура, несущаяся вперёд, вселяла во врага панический ужас. Это была сама смерть, косившая души грешников, а порой и праведников, если те попадались на пути. При этом печать благородного спокойствия не покидала вытяну-того лица даже в самые опасные минуты.

Джон вырос в одной из деревень, принадлежащих сэру Уильяму. Хозяин часто посе-щал свои владения, а по праздникам устраивал различные состязания, уделяя особое внима-ние деревенским мальчишкам. Он учил их искусному владению оружием, военной стратегии и всячески прививал качества настоящего рыцаря. Именно сэру Уильяму показал Джону приём контратаки, который тот с завидным упорством оттачивал день за днём. Удар противника необ-ходимо было отбить особым способом, чтобы его меч опустился к земле, затем нанести ответ-ный колющий удар прямо в грудь. Этот приём Джон отработал до такой степени, что ни один из деревенских мальчишек не мог противостоять ему – все становились жертвами деревянного меча, оставлявшего на груди огромные синяки (молодой Кроулер не очень-то сдерживался при ударе). Желаящих получить травмы с каждым днём становилось всё меньше, а вскоре ребята и вовсе перестали общаться с ним.

Спустя несколько лет, когда Джону исполнилось пятнадцать, сэру Уильяму взял его к себе на службу. Теперь его домом стал замок в пяти милях от родной деревни, и своих родных он видел очень редко – только когда в замке устраивались праздники.

В один из таких шумных дней Кроулер впервые убил человека. Среди разномастной пуб-лики у ворот замка вдруг закричала женщина. Она твердила всем, что видела одного из раз-бойников, отправивших в рай её мужа. Джон легко распознал в толпе грузного мужчину с крас-ным лицом, который спешил скрыться из виду. Он догнал его и приказал остановиться. Вместо ответа мужчина обнажил меч и немедленно пустил оружие в дело. Кроулер убил его своим излюбленным приёмом. Всё было как во время игр с деревенскими мальчишками, только на этот раз меч не оставил на груди синяк, а вошёл прямо внутрь. Героем Джон себя не почув-ствовал.

Служба, о которой он так мечтал в детстве, тоже утратила своё очарование и всё меньше походила на истории о рыцарской доблести. Ещё большее разочарование он получил во время шотландской кампании. Совершенно бессмысленные сражения, лишённые благород-ства и подвига. Две битвы закончились ничем – обе стороны просто разошлись после часового кровопролития. Третью битву они проиграли, и остатки английского войска разбежались кто куда.

А после рухнул ещё один идеал: Джон узнал, что его хозяин казнён за измену. Рыцаря повесили, как последнего разбойника, и его долговязое тело несколько дней украшало столб возле городских ворот, всё ещё внушая страх окружающим. После смерти сэра Уильяма начали всплывать и ужасающие подробности его деяний при жизни. Оказалось, что он своими руками умертвил шестнадцать человек, и сделал это не на поле брани, а в недрах собственного замка. Кроме того, все убиенные оказались женщинами, а если быть точнее – его любовницами. Каждую из них сэру Уильяму травил толчёным изумрудом, отрезал голову и крепил эту голову к стене, как охотничий трофей. Таким образом рыцарь оборудовал чудовищную галерею, по которой ежедневно ходил из своих покоев в трапезную. Старухи в деревнях судачили, что в аду с ним проделывают то же самое: голову ежедневно отрезают, а ночью она вновь проре-зается, как зуб. Так сэру Уильяму и мучается в обществе своих продолговатых голов, которые, даже будучи отделёнными, продолжают болеть.

Спустя год (на тот момент ему уже исполнилось двадцать два) Джон стал служить самому монарху – он попал в гарнизон Тауэра, где заработал репутацию усердного служаки и быстро получил должность сержанта.

Солдаты не очень-то жаловали своего начальника. Во-первых, сержант был слишком молод, да и военного опыта у многих накопилось побольше. Во-вторых, он слишком напирал на дисциплину и заставлял всех упражняться так же усердно, как сам упражнялся когда-то. Джон требовал точного исполнения всех своих требований и сам, не задумываясь, выполнял любой приказ свыше.

Здесь же, в Тауэре, рухнул последний оплот его юношеских воззрений. Образ короля оказался бесконечно далёким от того идеала, которому он мечтал служить. Тут, в самом сердце монархии, он понял, что интересы страны и самого Эдуарда Второго – две совершенно разные вещи, и чем больше помощи он приносит при дворе, тем хуже от этого становится самой Англии. Несмотря на это, Кроулер добросовестно исполнял свои обязанности, хоть и чувствовал себя заключённым в ловушку, где любое действие лишено всякого смысла. Он снова наносил удары деревянным мечом, который оставляет лишь синяки, проходящие через неделю, не более.

Всё изменилось с появлением в замке таинственного незнакомца в странном одеянии. Человек был очень старым и носил длинную седую бороду, которая росла, казалось, прямо из-под головного убора – не то шляпы, не то берета. Тело старика с головы до ног скрывала просторная мантия, похожая на монашескую рясу, но даже под ней были заметны гордая осанка дворянина и тело, всё ещё полное сил.

Незнакомец появился в сопровождении аббата Верне. Обоим велено было доставить к королю. Они двигались по Водному переулку между двумя крепостными стенами в сторону башни Уэйкфилд. Сержант провёл их через караул охраны, и гости попали на территорию внешнего двора. Вдоль стены они подошли к воротам Колдхарбор, ведущим за внутренние укрепления.

– В третий раз посещаю Тауэр и каждый раз не могу отделаться от мрачного предчувствия, – признался аббат своему спутнику. – Приходя сюда в качестве гостя, никогда не знаешь, в каком качестве покинешь замок. И покинешь ли вообще.

Услышав это, Джон Кроулер улыбнулся про себя. Многие из тех, кого ему довелось сопровождать, высказывали подобные опасения. Даже самые влиятельные персоны начинали чувствовать незащищённость в окружении этих каменных стен. Что ж, нынешние гости могли порадоваться только тому, что не попали в крепость через Ворота Предателей. Многие прошедшие тем путём действительно не возвращались наружу и заканчивали свои дни на Тауэрской лужайке. Даже останки этих несчастных оставались в крепости – без надгробий покоились у церкви Святого Петра.

Во дворе замка, как и всегда, было полно народу. Люди спешили по своим повседневным делам или уже занимались ими. Кто-то готовил пищу, дразня окружающих аппетитными запахами, другие дрессировали собак и ухаживали за лошадьми, распространяя уже не столь приятные ароматы. Однако большинство слонялось без дела. Внимательный взгляд сержанта без труда определил лентяев, хоть и вид у них был до того важным, словно они выполняли поручения самого короля.

Не обращая особого внимания на галдящую толпу, гости вслед за сержантом приблизились к зданию Белого Тауэра. Величественное сооружение предстало пред ними во всей красе, заслонив своими этажами и угловыми башнями половину неба. Человек, впервые увидевший Белый Тауэр, этот замок в замке, невольно поражался той красоте и мощи, что исходили от белоснежных стен. Если, конечно, не знал, что цвет здания, ошибочно принимаемый за символ королевской власти, имеет не совсем благородное происхождение.

Виной всему была королевская уборная, или гардероб, как её называли в те времена. Расположенная на втором этаже комната была оборудована мраморным креслом и трубой, по которой монаршие испражнения поступали за внешнюю стену и по этой же стене благополучно стекали вниз. Помимо всех удобств, это приспособление обладало как минимум двумя недо-

статками. Во-первых, вышеупомянутая труба располагалась под таким углом, что проходящая внизу стража при желании могла любоваться интимным процессом в гардеробе. Ну, а во-вторых, с годами стена замка начала приобретать крайне неприятный цвет и ещё более неприятный запах, а затем нечистоты, как живые, стали расползаться по остальным стенам.

Наконец, Генрих Третий приказал очистить стены и покрыть их белой известью. Его решение, очевидно, было продиктовано не столько соображениями эстетики, сколько требованиями дезинфекции. Оно и понятно: его батюшка, король Иоанн Безземельный, скончался здесь от дизентерии. И не он один.

Украдкой взглянув на своих спутников, Кроулер заметил, насколько по-разному эти двое ведут себя. Аббат, по его собственным словам, уже не раз посещавший замок, был крайне возбуждён. Он то с опаской оглядывался по сторонам, то с восхищением взирал на высокие башни. Сразу было заметно: ничего хорошего от встречи с королём он не ожидает и уже будто бы намечает дорогу для отступления. Спутник аббата держался иначе, но что именно происходило у него на душе, понять было абсолютно невозможно даже самому проникательному человеку. Он не смотрел по сторонам, да и вообще, казалось, не смотрел, а направил взгляд внутрь самого себя. Его ноги совершали чёткие шаги, руки скрывались в складках мантии. Старику было решительно всё равно, что его ожидает: королевские покои или подземелье, кишашее крысами да пауками.

Так они приблизились к воротам Колдхарбор и, миновав очередной караул охраны, попали на территорию внутреннего двора, куда доступ простому люду был закрыт.

Эдуард ожидал посетителей на первом этаже здания, в комнате, где он обычно принимал неофициальных гостей. Здесь часто проходили встречи с его товарищами, которые по обыкновению не были высокопоставленными людьми. Поэты и музыканты, столь любимые королём, практически не выводились из этого помещения. Не менее часто здесь появлялись кузнецы и садовники; при случае можно было наткнуться и на конюха, ведущего с монархом увлекательную беседу, а то и рассказывающего скабрёзные анекдоты.

Будучи сыном короля активного и воинственного, Эдуард с детства одинаково ненавидел и военные походы, и политические встречи. Будто бы назло покойному отцу он вёл в стенах Белого Тауэра праздные разговоры и водил знакомство с самыми отъявленными простолюдинами. Нередко случалось и такое, что его неблагородного происхождения приятели получали мощную протекцию и в один миг превращались во влиятельнейших людей государства. Что и говорить: любить Эдуард умел так же сильно, как и ненавидеть. По его внезапной прихоти любимчики, словно прошедшие шахматное поле пешки, получали высокий титул и становились важными фигурами в политической игре. Так, сына булочника Уолтера Рейндолса он сделал архиепископом Кентерберийским, а Уильяма де Мельтона, ещё менее знатного происхождения, – архиепископом Йоркским. Но настоящие лавры достались нищему гасконскому рыцарю Пирсу Гавестону, который стал главным увлечением монарха. Ещё будучи принцем, Эдуард передал в руки этого молодого красавца своё родовое имение Понтье. Узнав об этом, умирающий Эдуард Первый в бешенстве вырвал клочок волос из головы сына, а свои последние слова в этом мире посвятил Гавестону. Слова, надо полагать, не самые лестные: «Гоните мерзавца прочь!» – завещал он. Ну а когда отец скончался, Эдуард Второй и вовсе наделил фаворита неограниченными полномочиями, практически передав в руки бразды правления государством, – и это несмотря на то, что в стране из-за всех этих назначений уже попахивало мятежом. Ситуацию усугубляло ещё и то, что Гавестон не просто пользовался дарами королевской любви, а позволял себе презрительное, порою оскорбительное отношение к прочим высокопоставленным особам, понося их по поводу и без. Графа Уорика он в лицо называл «чёрным псом», а Томаса Ланкастера величал не иначе как «боровом». Неудивительно, что в один прекрасный день и без того оппозиционно настроенные бароны решили смыть оскорб-

ления кровью. Они схватили глумливого фаворита и учинили над ним суровую расправу. Тело королевского советника расчленили, а его голова оказалась в покоях обиженного Ланкастера, где превратилась в некий реквизит, «всегда дарующий величайшую радость». Другие останки королевского баловня Ланкастер вознамерился подарить графу Уорику, но тот поспешил отказаться от такого щедрого презента (может, оттого, что побрезговал, а скорее всего – опасаясь мести Эдуарда Второго).

После того как мятежные бароны расправились с Гавестоном, монарх не успокоился – настал черёд Хьюго Диспенсера. Следующий любимчик был настолько приближен к королю, что уже никакие интриги, угрозы и даже война не в силах были разорвать этот союз. Бароны и все остальные быстро убедились, что перед ними ещё одна, ухудшенная, версия Гавестона.

Вот и сейчас в комнате, где, по выражению Эдуарда, «не пахло лордами», Хьюго Диспенсер граф Глостер разделял общество монарха. Когда слуга доложил о приходе гостей, оба отвлеклись от болтовни и поприветствовали пришедших.

Аббат Верне согнулся в низком поклоне. Его спутник повторил это движение, но менее пылко. Затем они оба поздоровались с графом.

– Хочу поблагодарить вас, ваше величество, за отменное английское гостеприимство, – сказал аббат, когда короткая церемония закончилась.

– Не стоит, аббат, мы всегда рады таким гостям, как вы, – ответил король. – Что касается гостеприимства, то за эту традицию нужно благодарить моего деда, короля Генриха Третьего. Именно он укрепил этот замок специально для того, чтобы друзья не покидали его раньше положенного срока.

Присутствующие оценили шутку и откровенно посмеялись.

– Сеньор Луллий, – обратился король ко второму гостю, – насколько я знаю, вы впервые в Англии.

Учёный спокойно смотрел в лицо Эдуарду. Он имел вид человека, не раз бывавшего на приёмах у королевских особ, и присутствие монарха его ничуть не смущало.

– Ваше величество, – спокойно ответил он, – прошу меня простить, но я не очень привык к обращению «сеньор». От своих дворянских привилегий я отказался много лет назад и посвятил себя служению Богу.

Возникла неловкая пауза. Все с недоумением посмотрели на алхимика. Ещё никому до этого не приходило в голову просить короля быть разборчивым в обращениях! Однако самого Эдуарда это особо не расстроило.

– Как же в таком случае прикажете вас называть? – поинтересовался он.

– Вы можете, как и все, называть меня «магистром» или «доктором».

Король рассмеялся.

– Хорошо, доктор, но не удивляйтесь, если таким образом я со временем стану одним из ваших учеников. – Он вдруг принял чрезвычайно серьёзный вид. – Признаться, я как раз хотел воспользоваться некоторыми вашими советами, ибо уверен, что ангел Божий не зря свёл нас вместе.

Луллий чуть поклонился, выражая свою готовность оказать услугу. Несмотря на своё одеяние и возраст, он всё-таки больше походил на благородного рыцаря, нежели на монаха или учёного. А этот блеск в глазах свидетельствовал о том, что старик в любой момент способен обнажить меч и с оружием в руках отстоять свою веру.

Аббат Верне сделал шаг вперёд и обратился к Эдуарду:

– Ваше величество, у меня есть некоторое поручение от короля Франции.

– Позже, дорогой аббат, позже, – оборвал его Эдуард, – а лучше изложите всё графу Глостеру, он мой главный помощник в политических делах. Если не возражаете, мы с магистром Луллием обсудим вещи более духовные.

Прежде, чем аббат успел возразить, Хьюго Диспенсер взял его за руку и поспешно вывел из комнаты.

Оставшись наедине, король и учёный расположились в креслах друг напротив друга.

– Должен сказать, уважаемый доктор, что положение в моей стране критическое, – начал король. – Я состою в настоящей вражде со своими подданными. Увы, клятвы и присяги в наше время значат очень мало, и если реальное расположение сил на стороне одного из лордов, он расстанется со своими обязательствами так же быстро, как камень расстанется с катапультной. – Он замолчал, озабоченно уставившись в пол, и, поглаживая бороду, продолжил: – Господь милостив, но он и наказывает нас за наши грешные деяния, не так ли?

– Всё имеет свою причину, ваше величество, – ответил Луллий, – и помимо воли Божьей, мы сами творим свою жизнь – как преступлениями, так и благодеяниями.

– Вы так считаете? Довольно странное мнение для религиозного человека.

– Не следует любое событие напрямую возводить к Божьей воле. Бог есть первая причина в мире, но действует она посредством многих второстепенных причин, что созидаются и самим человеком.

– Должно быть, вы правы, доктор. Конечно, и наше бедственное положение имеет свои корни, и надо заметить, что корни эти не менее ядовиты, чем чаша Сократа. Чудовищное падение нравственности – вот главная беда нашей страны, да и не только её. Стяжание славы и служение короне уже не в такой чести, как при Ричарде Львиное Сердце. Сейчас лорды больше интересуются величиной ренты со своих вотчин, а некоторые не прочь заполучить и вотчину соседа.

Учёный утвердительно кивнул. Подобные порядки были ему знакомы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.